

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР

Материалы «Рабочего завтрака у Тосуняна»
31 мая 2025 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Супян Виктор Борисович

член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук,
руководитель научного направления,
главный научный сотрудник отдела экономических
исследований Института США и Канады
им. акад. Г.А. Арбатова РАН

Гарбузов Валерий Николаевич

член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института США и Канады
им. акад. Г.А. Арбатова РАН

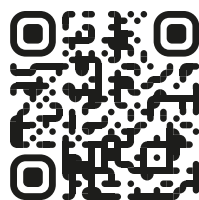
Миловидов Владимир Дмитриевич

член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук,
заместитель директора по научной работе
Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН

Барановский Владимир Георгиевич

академик РАН, академик Академии военных наук,
доктор исторических наук, руководитель научного
направления «Центр научного анализа»
Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН

НКС ООН РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДДнП
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Многополярный мир: Россия, США, Китай, Индия, ЕС: влияние на него новой администрации США

Материалы заседания 31 мая 2025 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2026

УДК 327.8(73:100)(063)
ББК 64.4(7Сое),9(4/5),3я431
М73

Многополярный мир: Россия, США, Китай, Индия, ЕС: влияние на него новой администрации США : материалы заседания 31 мая 2025 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук ; Ассоциация российских банков ; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права ; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 167 с. – ISBN 978-5-6056500-2-7

Зарождающаяся в мире многополярность предполагает наличие нескольких центров силы, которые соперничают за влияние в экономике, политике, безопасности, технологиях.

Какие державы сегодня обладают наибольшим влиянием, какое место среди них занимает Россия, и как позиционирует себя в изменяющемся мире администрация Трампа, читайте в материалах сборника.

УДК 327.8(73:100)(063)
ББК 64.4(7Сое),9(4/5),3я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6056500-2-7

© Тосунян Г.А., составление, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	6
Справка	9

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

акад. ТОСУНЯН Г.А.	12
---------------------------	-----------

Доклад 1 чл.-корр. СУПЯН В.Б.	23
--------------------------------------	-----------

ЭКОНОМИКА США И НОВАЯ ТРАМПОНОМИКА 2.0.

САВАТЮГИН А.Л. – чл.-корр. СУПЯН В.Б.	37
--	-----------

к. э. н. АБРАМОВ А.Е. – чл.-корр. СУПЯН В.Б.	38
---	-----------

акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М. – чл.-корр. СУПЯН В.Б.	42
---	-----------

акад. ИВАНОВА Н.И. – чл.-корр. СУПЯН В.Б.	45
--	-----------

акад. УГРЮМОВ М.В. – чл.-корр. СУПЯН В.Б.	49
--	-----------

Доклад 2 чл.-корр. ГАРБУЗОВ В.Н.	51
---	-----------

США И ТРАНСФОРМИРУЮЩИЙСЯ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

к. и. н. АЗИМОВ А.С. – чл.-корр. ГАРБУЗОВ В.Н.	65
---	-----------

МОСКОВКИН Л.И. – чл.-корр. ГАРБУЗОВ В.Н.	68
---	-----------

акад. УГРЮМОВ М.В., чл.-корр. ГАРБУЗОВ В.Н., акад. ТОСУНЯН Г.А.	69
--	-----------

Доклад 3 чл.-корр. МИЛОВИДОВ В.Д.	73
--	-----------

РАСШИФРОВАТЬ ТРАМПА-2: «ДОРОЖНАЯ КАРТА» НЕОГЛОБАЛИСТА

акад. УГРЮМОВ М.В. – чл.-корр. МИЛОВИДОВ В.Д.	85
акад. ИВАНОВА Н.И. – чл.-корр. МИЛОВИДОВ В.Д.	87
чл.-корр. СУПЯН В.Б. – чл.-корр. МИЛОВИДОВ В.Д.	89
акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М., чл.-корр. МИЛОВИДОВ В.Д., акад. ТОСУНЯН Г.А.	93
 Доклад 4 акад. БАРАНОВСКИЙ В.Г.	 98
ТРАМП и НАТО	
 к. и. н. АЗИМОВ А.С. – акад. БАРАНОВСКИЙ В.Г.	113
д. ю. н. КОЛОСОВА Н.М. – акад. БАРАНОВСКИЙ В.Г.	116
акад. УГРЮМОВ М.В. – акад. БАРАНОВСКИЙ В.Г.	119
МОСКОВКИН Л.И. – акад. БАРАНОВСКИЙ В.Г.	121
акад. ИВАНОВА Н.И.	123
акад. АГАНБЕГЯН А.Г.	128
д. социол. н. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР С.Г.	132
чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.	135
д. э. н. ХАРЛАНОВ А.С.	138
акад. НИГМАТУЛИН Р.И.	143
ИГИТЯН М.Ю.	147
МОСКОВКИН Л.И. – акад. ТОСУНЯН Г.А.	154
 ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА	
чл.-корр. СУПЯН В.Б.	155
чл.-корр. ГАРБУЗОВ В.Н.	156
акад. БАРАНОВСКИЙ В.Г.	157
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
акад. ТОСУНЯН Г.А.	158

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН, НИИ ДДиП и «Открытых
дискуссий» президента АРБ**

160

**СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА
(НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный руководитель Института философии РАН

КОКОШИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра перспективных исследований национальной безопасности России
Экспертного института НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассоциации российских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального исследовательского института Доверия, Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор

АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный сотрудник отдела методологических и междисциплинарных проблем развития науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель академика-секретаря ОХНМ РАН, начальник лаборатории Всероссийского НИИ авиационных материалов

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель Института экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководитель Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заведующий лабораторией психологии общения факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

академик Национальной академии наук Армении (НАН РА), иностранный член РАН, д. социол. н., научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

академик, д. ю. н., директор Института государства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководитель Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя правления
Евразийского банка развития

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный сотрудник
Института философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского института НИУ
ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры государственного
аудита Высшей школы государственного аудита
(факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государственный советник
РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный
сотрудник Института социологии ФНИСЦ
РАН

УГРЮМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных
и нейроэндокринных регуляций Института
биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Института психологии
РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

академик, д. ю. н., директор Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве России

ЧЕРЕШНЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. м. н., научный руководитель Института
иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. социол. н., научный руководитель Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН

ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий
кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического
факультета Российского государственного медицинского
университета им. Н.И. Пирогова

ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА

д. э. н., директор Вологодского научного центра
РАН

ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ

д. филос. н., профессор

ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной
работе Института психологии РАН

СПРАВКА

- о **НКС ООН РАН** (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о **НИИ ДДиП** (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о **«Рабочем завтраке у Тосуняна»**,
- о проекте **«Открытые дискуссии президента АРБ»**
и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: «В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят «Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимали и принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих

завтраках», и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 152 «Рабочих завтрака у Тосуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более человек, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом. Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются более 90 российских вузов, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 90 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около 2 тыс. человек.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 10 лет состоялось 95 дискуссий.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Рад приветствовать всех на заседании Научно-консультативного совета Отделения общественных наук РАН по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества и Института Доверия, Достоинства и Права, которое проходит при поддержке Ассоциации российских банков.

Сегодня у нас 4 докладчика и много участников:

- более 50 представителей науки и вузов, в том числе 14 членов РАН;
- банкиры, государственные и общественные деятели.

Записались в Zoom 170 человек, 22 человека присутствуют очно.

Тема заседания – «Многополярный мир: Россия, США, Евросоюз, Китай, Индия: влияние на него администрации США».

Изначально постановка темы ставила во главу угла многополярность мира, в котором должно быть, по нашему представлению, несколько центров влияния.

Как достичь такого «распределенного влияния» – это предмет особой дискуссии.

Надеюсь, если не полностью, то хотя бы частично мы сумеем ответить на вопросы или, по крайней мере, подступиться к ним.

XX век – время преимущественно биполярного мира. Вся вторая половина века – это противостояние,

холодная война между коалициями Советского Союза и США.

В 1990-е годы после распада СССР закрепились однополярная парадигма во главе со Штатами. В нашем представлении – так.

Похоже, что сегодняшний мир движется к многополярности. Центр сил уже не один, и не два, и не три, гораздо больше, но это пока такой формирующийся многополярный мир.

Что-то подобное было характерно и для XIX века, тогда, можно сказать, мы имели многополярность.

После Наполеоновских войн баланс установился между несколькими державами: Россией, Великобританией, Австрийской империей, Пруссией, Францией.

Кроме того, позже, в конце XIX века, на мировую арену вышли и другие государства.

Но в начале XX века США расширили влияние в западном полушарии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Япония после реформ Мэйдзи сильно прибавила и стала крепким региональным лидером.

То есть многополярность – в некотором смысле явление для мировой истории не новое. Однако в разные периоды она проявляется по-разному, поэтому здесь сопоставление весьма условное.

Я привожу некоторые аналогии без претензий на прямые параллели.

Современный многополярный мир – он другой, по разным причинам:

– из-за стремительного развития технологий, которое существенным образом влияет на эту многополярность;

– из-за самых разных межгосударственных связей, которых в таком многообразии в прежние времена попросту не существовало;

– из-за того, что на протяжении длительного времени шли тенденции в сторону глобализации, а в последний период, наоборот, наблюдается стремление к откату в сторону деглобализации.

Поэтому эта многополярность имеет внутри себя очень много проблем и сложностей.

Не думаю, что глобализации, как некоторые пророчествуют, приходит конец, что это был ошибочный тренд.

Глобализация, на мой взгляд, неизбежна, ее нельзя воспринимать как антоним многополярности.

Глобализация глобализацией, многополярность многополярностью, и, мне кажется, они вполне совместимы.

Глобализация в многополярном мире имеет право на жизнь, но не под влиянием какого-то одного доминирующего государства или центра влияния.

Я имею в виду глобализацию с точки зрения единства человечества.

На этот счет есть много оппонентов, утверждающих, что не может быть единства у человечества: слишком много религиозных, исторических, культурных и других различий.

Очевидно, что многополярная дифференцированная система намного сложнее.

И во многом, как раз за счет своего сложного устройства, она приобретает бóльшую устойчивость, чем моно-система, которая во многом проще, строится обычно по вертикали и легко сваливается с этого неустойчивого вертикального положения.

Если провести условную параллель, к примеру, с нашей финансовой сферой, то мы в Ассоциации неустанно продвигаем тезис о многополярности и дифференцированности применительно к финансово-банковской системе нашей страны.

В качестве примера приведу позицию Ассоциации в вопросе конкуренции.

Конкуренция является необходимым условием развития финансового рынка и всей экономики. А когда мы пытаемся сконцентрировать все в одном-двух финансовых центрах, то, с нашей точки зрения, система теряет устойчивость.

Для многополярного мира понятие конкуренции также является одним из определяющих.

Конкуренция предполагает отсутствие монополии, а многополярность – отсутствие доминанты одного или двух государств.

В многополярном мире должно быть несколько позитивных центров влияния. Они соперничают за влияние в экономике, политике, безопасности, технологиях.

И лидерами в идеале должны стать те, кто подает добрые примеры и предлагает лучшие версии развития, а не навязывает силовым методом подчинение исключительно своим интересам.

Примитивные подходы с позиции силы в лице государств и лидеров, которые пытаются унижать окружающих, чтобы на их фоне выглядеть центром Вселенной, с развитием цивилизации не будут иметь поддержки у мирового сообщества.

Может быть, это несколько упрощенная трактовка, но тем не менее идея, думаю, понятна.

Конкуренция формирует динамичную систему, где ни одна из стран не может доминировать абсолютно и диктовать свои условия без оглядки на других. То есть это определенная система сдержек и противовесов на межгосударственном уровне.

Однако в современных условиях конкуренция между странами пока еще может перерастать и иногда, к сожалению, перерастает в конфронтацию.

Мы эту тему обсуждали месяц назад на «Открытой дискуссии», посвященной тарифным войнам и пошлинам.

В частности, отмечали, что экономические ограничения позволяют странам оказывать давление друг на друга. Слава Богу, хотя бы без прямого военного вмешательства. Но это тоже не лучший способ, так скажем, укрепления себя.

Экономика является одним из главенствующих факторов современной многополярности, и это хорошо. Лучше, чтобы конфликты были в экономической сфере, чем в военной.

Экономические факторы играют ключевую роль в формировании новых центров силы и перераспределении глобального влияния.

Китай, Индия, страны БРИКС и другие развивающиеся экономики бросают вызов традиционному доминированию Соединенных Штатов.

Мы не раз обсуждали на наших заседаниях, как мощно развивается Китай. Собственно, даже без обсуждений многие сами видят и понимают это.

Китай является второй экономикой мира после США, а по паритету покупательной способности обгоняет США уже в течение десяти лет.

Паритет покупательной способности дает более реалистичное сравнение экономик, чем обычный ВВП, поэтому мы к этому понятию периодически апеллируем.

Экономика оценивается с поправкой на уровень текущих цен в конкретной стране. Это позволяет нивелировать значительную разницу в ценах на одни и те же товары и услуги.

И то, что Россия по паритету покупательной способности недавно обошла Японию и стала четвертой страной после Китая, США и Индии, – позитивный тренд, который нельзя не отметить.

Надо хоть чем-то похвастаться – правда, предварительно проверить еще эти официальные цифры.

Наше отставание от лидера существенное – 34 трлн долларов у Китая против почти 7 трлн долларов у нас.

Возвращаясь к теме нашего заседания, отметим, что многополярный мир – это альтернатива чьей бы то ни было гегемонии. Повторю этот тезис.

Многополярный мир содержит кратно больше возможностей для гармоничного развития в целом и для благополучия каждого члена общества.

Но устойчивость многополярного мира зависит от способности центров силы находить баланс между сотрудничеством и конкуренцией.

Важно, чтобы конкуренция не перерастала в региональные и мировые конфликты, а механизмы доверия, диалога и международного права имели решающее значение в отношениях между странами.

У человечества много проблем, которые до сих пор остаются нерешенными и явно требуют международной кооперации. В их числе, например, проблемы нищеты и бедности, неравномерного развития регионов мира, проблемы медицины (например, эпидемий), проблемы климата и многие другие.

Это очень серьезные вызовы, и надо вносить эти проблемы в международную повестку и решать их сообща.

Наиболее умные лидеры и страны должны наконец дозреть до того, что нельзя действовать эффективно в одиночку. Можно показать видимость решения проблем, но решить их в одиночку нереально. По крайней мере, глобальные проблемы.

Риски настолько велики, что в будущем человечество может столкнуться с необратимыми последствиями в самых различных областях.

Ковид – очень яркий пример уровня этих рисков. Эпидемия распространилась по всему миру: это более 770 млн подтвержденных случаев и 7 млн смертей.

Появились очень неприятные последствия ковида, которые сильно беспокоят многих из нас.

Есть информация, что распространяется такое заболевание, как постковидный диабет, в том числе у детей.

Посмотрите, сколько сейчас детей болеет диабетом – совершенно с нуля, на пустом месте. Оказалось, что ковид способствует развитию диабета первого типа.

Ученые склоняются к тому, что ковид атакует клетки поджелудочной железы, в результате чего она перестает вырабатывать инсулин в необходимых количествах.

Похожих серьезных вызовов, которые затрагивают так или иначе все человечество, много.

Я в качестве примера привел диабет, потому что буквально за последний короткий промежуток времени у нескольких знакомых эта проблема всплыла у молодежи 20–25-летнего возраста.

Так получилось, что тема многополярного мира оказалась сфокусирована у наших докладчиков преимущественно на США, хотя мы объявляли ее более широко. Возможно, потому что до сих пор слышны отголоски обсуждения итогов 100 дней новой администрации США.

Изначально формулируя тему многополярности, мы исходили из того, что это гораздо более глобальный и серьезный вопрос.

Докладчики самостоятельно решили сделать акцент на США и, условно говоря, на этих 100 днях Трампа. Но хочется напомнить и пожелать, чтобы не слишком много все же зависело от США.

У них достаточное влияние. Думаю, что, слишком часто ссылаясь на Штаты, мы придаем им избыточное значение и тем самым подчеркиваем и усиливаем некоторое доминирование Штатов, даже в нашем сознании.

Я благодарен докладчикам за предложенный набор тем, но предлагаю наше обсуждение строить не только вокруг США, а несколько шире, через призму их политики, политик Евросоюза, Китая, Индии и других стран.

Предлагаю попробовать найти ответы на вопросы, актуальные и для всего мира, и для нашей страны в первую очередь.

В частности:

- как нам укрепить свою экономическую конкурентоспособность;
- как усилить научный и технологический суверенитет;
- как занять достойное место в формирующемся многополярном мире;
- и другие вопросы.

Кстати, вчера закончилось собрание Академии наук, оно было выборным, непростым, интересным.

С удовольствием отмечу, что некоторые наши докладчики в результате этих выборов стали членами РАН.

В частности, членом-корреспондентом Академии стал наш сегодняшний докладчик Миловидов Владимир Дмитриевич, мы можем его поздравить.

Коллеги, повестка дня вам представлена. Она очень насыщенная. Много желающих выступить с сообщениями вне повестки.

Доклады:

Экономика США и новая трампономика 2.0.

Докладчик – **Супян Виктор Борисович**,

– член-корреспондент РАН,

– доктор экономических наук,

– руководитель научного направления, главный научный сотрудник отдела экономических исследований Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова РАН.

США и трансформирующийся мировой порядок.

Докладчик – **Гарбузов Валерий Николаевич**,

- член-корреспондент РАН,
- доктор исторических наук,
- главный научный сотрудник Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова РАН.

Расшифровать Трамп-2: «дорожная карта» неоглобалиста.

Докладчик – **Миловидов Владимир Дмитриевич**,

- член-корреспондент РАН,
- доктор экономических наук,
- доцент, заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН.

Трамп и НАТО.

Докладчик – **Барановский Владимир Георгиевич**,

- доктор исторических наук, профессор,
- академик РАН,
- академик Академии военных наук,
- научный руководитель Центра ситуационного анализа в Институте мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН.

Дополнительно записались выступить:

Иванова Наталья Ивановна,

- академик РАН,
- доктор экономических наук, профессор,
- руководитель научного направления отдела науки и инноваций, главный научный сотрудник Центра прогнозных исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН.

От однополярного глобального мира – к биполярному глобальному миру.

Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна,

– доктор социологических наук,
– заведующая Центром институционально-эволюционной экономики Института экономики РАН.

Аудит трамповских решений: кто и когда перевернет шахматную доску?

Харланов Алексей Сергеевич,

– доктор экономических наук, кандидат технических наук,
– профессор кафедры международного бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ,
– член Совета ректоров России,
– бывший ректор Международного банковского института.

Итак, слово первому докладчику – Супяну Виктору Борисовичу.

ДОКЛАД 1

СУПЯН В.Б.

чл.-корр. РАН, д. э. н., руководитель научного направления,
главный научный сотрудник отдела экономических
исследований Института США и Канады им. академика
Г.А. Арбатова РАН

ЭКОНОМИКА США И НОВАЯ ТРАМПОНОМИКА 2.0

Уважаемый Гарегин Ашотович, уважаемые коллеги!

Прежде всего позвольте поблагодарить за возможность выступить на таком представительном мероприятии.

Я у вас впервые и вижу, что здесь собрались эксперты очень высокого уровня: и международники, и люди, которые занимаются смежными темами.

Начать я хотел бы с общего тезиса о том, что в последние несколько лет политики и эксперты много говорят о смене парадигмы – от глобализации к суверенизации, даже к изоляционизму.

На мой взгляд, тезис достаточно спорный, но отчасти политика нового старого американского президента так или иначе вписывается в эти представления.

Америка уже в течение ряда лет, и не только в связи с приходом к власти Трампа, переживает довольно трудные времена.

Многие эксперты говорят даже о том, что в Соединенных Штатах есть некий системный кризис.

Сомневаюсь в правильности этого тезиса.

Но есть целый ряд кризисных проявлений в разных областях общественной жизни, экономики, в сфере идеологии.

Есть экономические проблемы, межрасовые, межэтнические, проблемы, связанные с миграцией.

Все это, безусловно, создает достаточно непростую атмосферу не только в экономике, но и в обществе в целом.

Если кратко наметить план моего выступления, хотел бы сегодня коснуться следующих тем.

Первое.

Какой была американская экономика в преддверии прихода Трампа?

Второе.

Что произошло после прихода Трампа?

Какова экономическая конъюнктура в связи с его действиями?

Третье.

Я хотел бы рассмотреть не только конъюнктурные, но и долгосрочные, долговременные факторы развития американской экономики.

Это совершенно другая ипостась.

Часто многие эксперты путают эти вещи и полагают, что, если изменилась безработица, изменилась инфляция – все, конец, крах Соединенным Штатам.

Затем я коснусь контуров новой экономической политики Трампа и в заключение постараюсь оценить вероятные перспективы его действий.

В общем, достаточно обширная повестка, но я надеюсь уложиться в отведенное время.

Начну с оценки состояния американской экономики в дотрамповский период.

Надо сказать, что Байден оставил Трампу экономику в достаточно хорошем состоянии.

Все макроэкономические показатели имели тенденцию к улучшению.

Темпы роста ВВП в США превышали темпы роста этого показателя во всех других развитых странах.

Инфляция с рекордных 6% снизилась до уровня менее 3%.

Безработица достигла практически естественного уровня – чуть выше 3%.

То есть практически все было очень неплохо.

И прогнозы, которые делались в тот период, исходили из этого тренда.

Предполагалось, что и в обозримом будущем, если сохранится политика, которую проводили Байден и его администрация, экономика будет развиваться примерно в том же русле.

Еще раз хочу подчеркнуть, что по всем макроэкономическим показателям Соединенные Штаты опережали все другие страны Большой семерки (G7).

Безусловно, они уступали по этим показателям развивающимся странам, таким как Китай, Индия и некоторые другие.

Конечно, Байден оставил Трампу не только достаточно неплохие показатели экономической конъюнктуры.

Было и есть немало проблем, с которыми встретился Трамп.

И в значительной степени он, собственно, пришел к власти, критикуя ситуацию в целом ряде сфер общественной жизни и экономики.

Какие это проблемы?

Ну, во-первых, огромное социальное неравенство в стране, которого нет в других развитых странах.

По оценке бюджетного управления Конгресса США, в Америке 1% самых богатых американцев имел доходы, в 140 раз превышающие доходы 20% домохозяйств американцев с наиболее низкими доходами.

То есть разрыв – совершенно колоссальный.

Коэффициент Джини, отражающий дифференциацию населения Америки, является одним из самых высоких в мире.

Серьезной угрозой экономической и бюджетной стабильности США является рост государственного долга.

Он выступает предметом постоянных разногласий между исполнительной и законодательной властью страны, между демократами и республиканцами.

Здесь я хотел бы сразу сделать оговорку.

Не считаю, что проблема государственного долга является ключевой, наиболее серьезной проблемой для американской экономики, как считают некоторые наши эксперты.

Покуда экономика успешно обслуживает государственный долг, осуществляет текущие и процентные платежи, я думаю, что этот огромный долг, скорее, отражает силу американской экономики, приток свободных финансовых ресурсов со всего мира, которые вкладываются в американские облигации казначейства.

Но при этом разногласия между республиканцами и демократами по поводу потолка государственного долга тем не менее часто приводят к ситуации, которая называется шатдаун¹, когда не принято решение и нет реальных денег для того, чтобы выполнять текущие обязательства.

¹ Shutdown (англ.) – закрытие, остановка, временное прекращение работы чего-либо.

Американцы уже более 20 раз были в ситуации такого шатдауна. И это, конечно, подрывает репутацию страны в сфере международных инвестиций и вообще ставит под сомнение ее надежность как партнера.

Это проблема.

И она заключается не в том, что надо срочно отдавать эти долги, а в том, что возникают текущие сложности, связанные с этим долгом.

Кроме того, достаточно сильно выросли процентные платежи.

Раньше они составляли незначительную часть бюджета.

А в 2023 году, например, процентные платежи бюджета уже достигали 660 млрд долларов.

Немаловажное влияние на социально-экономическое положение США и на общественные настроения, приведшие к победе Трампа на президентских выборах, оказывает проблема миграции.

Как это ни парадоксально, страна мигрантов демонстрирует активное отторжение новых мигрантов, которые приезжают в США со всего мира.

Причем 10 млн человек уже являются нелегальными мигрантами.

Всего мигрантов, то есть людей, родившихся за пределами США, 48 млн – 14% населения страны.

Это вызывает определенное напряжение в обществе.

Еще один фактор разногласий и влияния на экономическое положение – это последствия экономической глобализации.

С одной стороны, глобализация привнесла немало преимуществ, дала возможность Соединенным Штатам сконцентрироваться на наиболее сложной и наукоемкой продукции.

Но, с другой стороны, она усилила отток традиционных и не только традиционных производств за пределы страны и увеличила зависимость США от целого ряда стран по многим производствам, в частности, от Китая, что стало особенно заметно в последние годы.

После избрания Трампа – второй пункт моего выступления – под влиянием его хаотичной экономической политики ситуация в экономике начала ухудшаться.

В первом квартале 2025 года неожиданно после весьма благополучных результатов 2024 года было зафиксировано падение внутреннего продукта на 0,3%.

Вроде бы немного.

Все называют это технической рецессией, но тем не менее это отражает неопределенность в сфере внешнеэкономических связей, что приводит к таким флуктуациям в сфере производства.

Несмотря на то, что количество новых рабочих мест за первый квартал 2025 года выросло почти на полмиллиона, опросы показывают, что обеспокоенность ростом безработицы среди работников возрастает.

Эта обеспокоенность превысила 60%, наивысший показатель с 2009 года.

Растет также обеспокоенность по поводу ожидаемого роста инфляции.

Хотя официальный показатель сейчас на уровне немногим более 2%, ожидания, опять-таки, достигли максимума с 1981 года – уровня более 6%.

Угроза высоких тарифов резко снизила покупательную активность населения, объем розничной торговли сократился более чем на 20 процентных пунктов с марта 2024 года.

После прихода Трампа в Белый дом иммиграционные потоки в США снизились практически до нулевого уровня.

Это может иметь весьма негативные последствия для американского рынка труда, поскольку естественные темпы роста населения в Америке снижаются, и в последние годы это примерно на полпроцента выше, чем в Европе.

И уже только за счет мигрантов поддерживается численность рабочей силы.

Чтобы охарактеризовать состояние экономики США, недостаточно оценить текущие экономические показатели.

Важно дать оценку тем системообразующим факторам, которые определяют долгосрочные тенденции экономического развития и позиции США в мировой экономике.

Здесь главное – производительность труда.

По этому показателю Соединенные Штаты опережают все крупные и значимые в мировой экономике страны.

Впереди США по этому показателю только группа из нескольких небольших стран, таких как Люксембург, Норвегия, Ирландия, Швейцария, Нидерланды, Австрия, Сингапур.

Следующие за США крупные страны – Германия и Франция – по данному показателю составляют около 80% от американского уровня.

Китай отстает по показателю производительности труда, по данным Международной организации труда, более чем в четыре раза.

Что обуславливает такое положение вещей?

Тому есть вполне конкретное объяснение.

Это факторы, имеющие долговременный характер.

Первый фактор – уровень развития американской науки и научно-технического потенциала в целом.

Здесь США, несмотря на определенные достижения Китая, по большинству показателей остаются лидерами.

Они тратят на науку четверть всех мировых расходов; по показателю доли в валовом внутреннем продукте они вышли на третье место и тратят 3,5% от ВВП.

Впереди только две страны, они хорошо известны: Израиль – более 5%, Южная Корея – 4,5%.

Все остальные страны имеют уровень ниже, чем в США.

Второй фактор – уровень развития человеческого потенциала. И главная формирующая его основа – высшее образование и высокая мобильность американской рабочей силы.

По данным всех международных рейтингов, американские исследовательские университеты – лучшие в мире.

Из 20 лучших вузов мира по всем ключевым рейтингам, в том числе китайскому, 18 – американские.

Третий фактор.

Большую роль в лидирующих позициях США в мире играют как портфельные, так и прямые инвестиции.

Это третий долгосрочный фактор развития.

Общие инвестиционные потоки в США в 2024 году составили 1 трлн 173 млрд долларов, что значительно превышает аналогичные потоки в другие развитые страны.

На втором месте находится Франция – 323 млрд, далее Великобритания – 192 млрд, Германия – 174 млрд и так далее.

Китай – только 74 млрд долларов.

Привлечение свободных финансовых ресурсов со всего мира дает США огромные преимущества как в сфере финансов, финансирования бюджета, так и в реальном секторе экономики.

По общему притоку прямых иностранных инвестиций США также лидер.

Эти инвестиции в основном идут из развитых стран, в частности, из Японии, Канады, Нидерландов, Великобритании.

Доля каждой из этих стран в общем инвестиционном потоке составляет 12–13%.

Из США инвестиции направляются в основном в Европу.

40% всех инвестиций – это Европейский союз и Великобритания.

Четвертый фактор – уровень корпоративного управления.

По признанию большинства экспертов, оно является наиболее сильным в мире и в значительной степени обуславливает высокую производительность труда и позиции США в мирохозяйственных связях.

По оценкам, именно уровень корпоративного управления здесь дает примерно 50% прироста производительности труда.

Пятый фактор – роль США в мировой финансовой системе.

Их валюта является доминирующей и в мировых резервах, составляя примерно 60%, и в международных расчетах.

Тут есть колебания, которые периодически имеют место, но по последним данным – около 50%.

И все разговоры о том, что все вдруг перейдут на национальную валюту, пока не получают подтверждения.

Есть, конечно, и долгосрочные слабости, о которых я уже упомянул, поэтому не буду повторять.

Они требуют серьезного подхода.

И политика Трампа, как он ее продекларировал, нацелена на то, чтобы слабости американской экономики смягчить, облегчить, уменьшить.

И все эти лозунги – «Сделать Америку вновь великой» и другие подобные, – конечно, в значительной степени связаны с этими слабостями.

Можно выделить несколько основных направлений экономической политики Трампа как приоритетные.

Из них, пожалуй, главных – три.

Во-первых, налоговая политика; во-вторых – миграционная, в-третьих – внешнеторговая, в частности, тарифная.

Кроме того, это стремление к дерегулированию экономики, к ее дебюрократизации.

С этим связана также тенденция к сокращению госаппарата, ликвидации целых государственных ведомств.

Также можно отметить намерение повысить эффективность работы госаппарата.

Создана специальная структура в системе исполнительной власти, которая призвана эту эффективность повысить.

Кстати, идеолог этой работы, предприниматель Илон Маск, уже ушел с этой службы, заявив, что он разочаровался в государственной деятельности.

Кратко о налоговой политике.

Ожидается продление действующего налогового законодательства, принятого в 2017 году.

Оно перейдет в бессрочный режим.

И предполагается, что корпоративный налог будет снижен с 21% до 20%, а для корпораций, которые занимаются производством на территории США, – до 15%.

В этом направлении планируется также еще целый ряд различных послаблений и налоговых вычетов.

По мнению многих экономистов, влияние налоговой политики будет двойственным.

В краткосрочном плане снижение налогов может привести к положительному эффекту – к росту инвестиций и росту потребительских расходов.

Однако одновременно это уменьшит поступления в бюджет, что приведет к росту его дефицита и увеличению государственного долга примерно на 7–8 трлн долларов в ближайшие десять лет.

Особое место, как мы сейчас видим, в деятельности Трампа занимает внешнеторговая политика.

Здесь я должен сделать оговорку.

Вообще говоря, вся экономическая политика Трампа не представляет собой ничего экстраординарного.

Трамп неоднократно объявлял себя сторонником рейганомики.

То есть это нормальный переход от демократической администрации к республиканской, имея в виду уменьшение государственного вмешательства в экономику.

Трамп активно пытается претворить это в жизнь в сфере внутренней экономики.

На мой взгляд, он делает это весьма своеобразно, хаотично, непродуманно, но тем не менее сам курс, само направление весьма традиционны.

В сфере внешнеэкономической политики мы видим существенное отличие от неолиберального в целом курса Трампа.

Это, скорее, возвращение к протекционизму XIX века.

Он признает, что его кумир – это президент Уильям Мак-Кинли, который впервые начал повышать тарифы на ввозимые товары во внешнеэкономических связях.

И у Трампа мы видим такой же подход.

Мне кажется, что Трамп здесь проявляет себя как не слишком компетентный предприниматель.

Ну, предприниматель он ведь какой? Предприниматель средней руки, хотя и миллиардер.

Но он занимался всего лишь земельными спекуляциями, операциями с недвижимостью, а не какими-то там высокими технологиями.

Поднять переговорные ставки, снизить ставки и найти какой-то компромисс... Здесь он действует больше методом «тыка», и мы видим, что шаг вперед, два шага назад – это то, что происходит в сфере внешнеэкономической политики.

Пока, по большинству оценок, ничего хорошего из этого для США и для международной торговли не получается.

Особым направлением социально-экономической политики Трампа является сфера иммиграции.

Это не только область экономики и социальной сферы, но и предмет острой политической борьбы, борьбы идеологий, взглядов на роль иммиграции в развитии страны.

Здесь проблема в том, что очень быстро меняется этнорасовый состав населения США.

По оценкам экспертов, к 2060 году «белых» в Америке будет только 42%. Их все еще будет большинство, но тем не менее большинство относительное.

Очень быстро повышается доля латиноамериканцев и выходцев из Азии.

Как это повлияет на американскую экономику, на трудовую этику, на культурную среду, на язык, пока сказать довольно трудно.

Приведет ли это к тому, что было раньше и называлось *melting pot* (перемалывание всех в плавильный котел), или не приведет, пока сказать довольно трудно.

Что я хотел бы сказать в заключение.

Вероятные последствия, о которых идет речь – налоговые, внешнеэкономические, – нельзя рассматривать как безусловные.

Часто мы как эксперты преувеличиваем роль государственной политики.

Но в рыночной экономике не она является главной и определяющей.

Главные факторы – состояние совокупного спроса в стране, фаза экономического цикла, состояние мировой экономики, но и все больше и больше – геополитический фон.

Поэтому конечный результат всех тенденций, которые мы наблюдаем сегодня, будет следствием баланса этих зачастую разнонаправленных факторов.

Я хотел бы, конечно, сказать еще несколько слов о глобализации вообще в более широком контексте. Но, боюсь, Гарегин Ашотович меня осудит, что я слишком увлекся.

Спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Виктор Борисович.

Нет, я не осуждаю. Во время ответов на вопросы, в ходе дискуссии у Вас обязательно будет возможность выразить свое мнение о глобализации, в противовес моему.

Я высказал общие соображения, понимая, что они, конечно, вызовут некоторую реакцию.

Коллеги, давайте начнем с вопросов к Виктору Борисовичу.

Пожалуйста, Алексей Саватюгин, Высшая школа экономики.

САВАТЮГИН А.Л. – чл.-корр. СУПЯН В.Б.

САВАТЮГИН А.Л.

профессор Банковского института
НИУ «Высшая школа экономики»

Саватюгин А.Л.: Виктор Борисович, если позволите, у меня вопрос к названию Вашего доклада: «Экономика США и новая трампономика 2.0».

Я так понимаю, «2.0» – это второй приход Трампа.

Супян В.Б.: Да.

Саватюгин А.Л.: Скажите, Трамп – 47-й президент США в своей экономической политике сильно отличается от Трампа – 45-го президента США?

Супян В.Б.: Ну, он продолжает курс.

Во время первого срока его президентства были, в частности, наиболее успешные, как мне кажется, попытки в области налоговой политики.

Сейчас он принялся за внешнеэкономическую.

Хотя он начал проводить эту политику уже и тогда: тоже повышались тарифы, началась торговая война с Китаем.

Но сейчас это, наверное, главное направление его деятельности.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Александр Абрамов из РАНХиГС, пожалуйста, Ваш вопрос.

АБРАМОВ А.Е.

к. э. н., заведующий лабораторией анализа институтов
и финансовых рынков Института прикладных экономических
исследований РАНХиГС

Абрамов А.Е.: Виктор Борисович, спасибо за доклад.

У меня такой вопрос.

Я нахожусь под сильным впечатлением от книги «Власть и прогресс» Дарона Аджемоглу и Саймона Джонсона.

И в свете этой книги понятно, что все-таки тарифная политика Трампа – это результат острой реакции на проблему деиндустриализации США.

Это большие опустошенные районы, которые сейчас сложились там, где раньше были индустриальные центры.

Говоря о причинах этого явления, надо отметить, что есть две точки зрения.

С одной стороны, это влияние глобализации, то есть перемещение производств американских корпораций из США в Китай и другие страны.

С другой стороны, есть гораздо более серьезная внутренняя проблема США – это то, что автоматизация производства и новая экономика в США не создают новых высокопроизводительных рабочих мест для рабочих, вытесняемых из производства под влиянием новой волны промышленной революции.

Именно эти люди голосовали за Трампа на выборах президента в надежде, что он поможет решить данную проблему.

Тосунян Г.А.: Вопрос, пожалуйста.

Абрамов А.Е.: На Ваш взгляд, чего все-таки больше в экономической политике президента Трампа?

Это не всегда понятные попытки решить проблемы глобализации?

Или это попытка все-таки заставить внутренних предпринимателей вернуться к традиционной американской модели развития, когда научно-технический прогресс создает новые эффективные рабочие места?

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Супян В.Б.: На самом деле попытку вернуть рабочие места в США предпринимал не только Трамп.

До него это делали и Буш, и Байден, и Обама.

Все они провозглашали необходимость возвращения рабочих мест в США.

И все попытки оказались неудачными.

Причина, на мой взгляд, очень проста.

Есть интерес корпораций.

Это как бы объективная тенденция, объективная причина, которую никакими призывами, лозунгами и даже стимулами переломить нельзя.

Это стремление к снижению издержек и повышению нормы и массы прибыли у предпринимателей, которые вывозят свою компанию за рубеж, выше, чем в США.

Издержки в США значительнее.

Вот ничего и не получилось.

По данным, которые у меня есть, несколько десятков тысяч рабочих мест удалось вернуть за последние 5-7 лет.

А ушло – несколько миллионов рабочих мест.

Но удалось даже не вернуть, а создать их в США, открывая здесь предприятия, вместо того чтобы делать это за рубежом.

Это серьезнейшая проблема, которая, я бы сказал, изучена очень мало.

Она касается не только США.

Она обусловлена новым противоречием. А именно противоречием между интересами крупнейших корпораций, которые по своей силе и мощи сопоставимы с силой и мощностью многих государств, и интересами государства.

Как это противоречие будет решаться – очень интересный вопрос, никто им толком серьезно не занимался.

Конечно, государство не хочет выпускать из своих рук решение этой проблемы.

Оно будет искать какие-то пути ее решения, но пока они не найдены.

Что касается глобализации.

Несмотря на все разговоры о деглобализации, расчеты показывают, что объемы внешней торговли, объемы движения капитала, миграция рабочей силы не уменьшились, а увеличились.

И это в период, который связывают якобы с деглобализацией.

Но есть особенность, которая касается структуры глобализации.

Она становится более регионально ориентированной, а не глобальной.

Пандемия очень четко показала, что, несмотря на все преимущества международного разделения труда, нельзя доставить комплектующие из Китая в США.

Автомобильные заводы остановили работу.

Что начали делать американские автомобильные заводы сейчас?

Они открывают свои филиалы и предприятия не в Китае, а поближе – в Канаде, в Мексике, откуда можно привозить необходимые товары, комплектующие, запчасти и так далее.

Мне кажется, надо двигаться в направлении регионализации, чтобы минимизировать риски таких шоковых явлений, как пандемия или геополитические ситуации.

Но в принципе отменить международное разделение труда нельзя.

Нельзя отменить научно-технический прогресс, который движет глобализацию.

И Интернет, и системы связи, и системы транспорта – все ориентировано на то, чтобы способствовать международному разделению труда, его преимуществам.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Академик Полтерович Виктор Меерович, пожалуйста.

акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М. – чл.-корр. СУПЯН В.Б.

ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

акад. РАН, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Эконометрического общества, почетный президент Новой экономической ассоциации

Полтерович В.М.: Спасибо большое за интересный доклад. У меня два вопроса.

Первый вызван последним Вашим утверждением, что глобализация приобретает региональный характер.

Нет ли здесь внутреннего противоречия в самих терминах?

А второй вопрос вот в чем.

Вы говорили о тенденциях, но когда приводили цифры, то сравнивали Соединенные Штаты с остальным миром только за последние годы.

А что мы можем сказать о положении Соединенных Штатов относительно других стран за последние 50-60 лет?

Спасибо.

Супян В.Б.: Начну со второй части вопроса.

Конечно, доля США и в мировом ВВП, и в мировом промышленном производстве, безусловно, уменьшилась.

Это факт, который даже не подлежит никакому сомнению.

Но возникли показатели, которые позволяют нам говорить не только о доле, о значимости мирового промышленного производства, но и о значимости ключевых отраслей сферы услуг, таких как наука, образование, здравоохранение.

Мы видим, что здесь показатели США находятся весьма на высоте, и они не ухудшили их, а наоборот, улучшили.

К примеру, наука, о которой я сказал несколько слов.

При всех тенденциях развития Китая, стран Юго-Восточной Азии, Южной Кореи, по оценкам экспертов, оценивающих 10-11 ключевых технологий, почти во всех, кроме одной-двух, Соединенные Штаты сохраняют лидерство.

Это, насколько я помню, последние данные.

А вот в экологических и автомобильных технологиях они уступают.

Полтерович В.М.: И число общих патентов...

Супян В.Б.: Да. По поводу патентов есть любопытные цифры, которые действительно говорят о многом.

Количество патентов, зарегистрированных в Китае, в три раза превышает количество патентов, зарегистрированных в США. Казалось бы, бьющий показатель.

Но если мы чуть глубже посмотрим на этот показатель, то увидим следующее.

Количество американских патентов, регистрируемых за рубежом, в несколько раз больше, чем количество китайских патентов, регистрируемых за рубежом.

То есть китайские патенты за рубежом не очень охотно регистрируют, потому что оказывается, что чаще это не какие-то прорывные, ключевые изобретения и открытия, а усовершенствования.

По крайней мере, так об этом пишут специалисты, которые занимаются этим вопросом.

Тосунян Г.А.: Спасибо. И по поводу региональных и глобальных противоречий. Это первый вопрос.

Супян В.Б.: Макропоказатели, которые отражают тенденции глобализации, – это, собственно, потоки торговли, инвестиций, информации, это движение рабочей силы.

Они не уменьшились, а увеличились.

Но одновременно мы видим, что есть усиление именно региональной составляющей.

То есть она как бы не отменяет глобализацию вообще, но она сдвигается в этом направлении, поскольку позволяет избежать рисков, связанных с теми шокowymi проявлениями, о которых мы все хорошо знаем.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Пожалуйста, академик Иванова Наталья Ивановна.

акад. ИВАНОВА Н.И. – чл.-корр. СУПЯН В.Б.

ИВАНОВА Н.И.

акад. РАН, д. э. н., руководитель научного направления
ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова

Иванова Н.И.: Виктор Борисович, спасибо большое за Ваше выступление, за обстоятельный доклад.

У Вас был тезис, который более-менее часто повторяется нашими экономистами и преобладает в американской литературе.

Речь о том, что государственный долг – это не такая уж большая проблема, поскольку они его без труда обслуживают.

И хотя долг растет, это проблема «терок» между демократами и республиканцами.

Но что произошло сейчас.

Есть Стивен Майрон (или Миран, как иногда произносят), который возглавляет группу экономических советников при Трампе. Его позиция по этому вопросу была изложена в статье в ноябре 2024 года, после победы Трампа, и была воспринята как «job application» (заявление о приеме на работу), поскольку была созвучна идеям новой администрации, и его взяли на эту должность.

Эта позиция заключается в том, что государственный долг – очень серьезная угроза для безопасности и будущего экономики Соединенных Штатов.

И в 2030 году возникнет точка невозврата, когда они уже не смогут реально обслуживать долг без потерь.

Согласны ли Вы с этим, встречались ли Вам такие оценки?

Это мой первый вопрос.

А второй – о самом предложении Майрона.

Он предлагает – и я подчеркиваю, что это делает главный экономический советник, – как можно быстрее девальвировать доллар на 20%.

Нужно заключать новое соглашение с ведущими торговыми партнерами, имея в виду и тарифы, и стоимость доллара.

Суть тарифных переговоров, с его точки зрения, заключается в том, что нужно использовать сначала тарифы, а потом, для решения долгосрочной проблемы торговых дисбалансов, перейти к новому открытому решению о девальвации доллара.

Курс на постепенную девальвацию доллара мы уже видим.

Что Вы думаете по этому поводу?

Супян В.Б.: Наталья Ивановна, спасибо.

Хотелось бы понять, что такое точка невозврата.

Такого рода мнения периодически возникают, не только по поводу 2030 года.

И раньше говорилось, что через пять лет наступит коллапс, наступит ситуация, когда Соединенные Штаты не смогут отдавать свои долги.

Но ведь никто не просит их отдавать эти долги.

Представить себе ситуацию, что одновременно все предъявят эти обязательства к оплате, совершенно невозможно.

Это будет действительно означать крах американской экономики, потому что они не смогут расплатиться по своим обязательствам.

Правда, на это у некоторых экспертов есть другая точка зрения.

А почему это они не смогут?

Они возьмут да напечатают.

Есть такая точка зрения, что они что хотят, то и делают.

Могут напечатать сколько угодно долларов.

Но если бы они могли сколько угодно напечатать, тогда вообще зачем брать в долг?

Простой, казалось бы, элементарный вопрос.

Зачем платить сейчас почти 900 млрд долларов процентных платежей из бюджета, если можно взять да напечатать...

Конечно, что-то здесь не так.

Они не могут печатать столько, сколько хотят.

Очевидно, что есть попытки соотнести количество долларов с общей массой товаров и услуг, национального богатства и так далее.

Не знаю, насколько это все в полной мере обоснованно, но такого разудалого представления о том, что они что хотят, то и делают, конечно же, нет.

Поэтому никто, на мой взгляд, предъявлять к оплате этот долг не будет, потому что это будет означать разорение США и разорение тех стран, которые пользуются американским рынком как самым большим, самым емким.

Возьмите китайско-американский конфликт сейчас.

Почему они начали идти друг другу навстречу?

Потому что они нужны друг другу.

80% потребительских товаров, продаваемых на американском рынке, сделаны в Китае.

Куда Китай будет поставлять свою продукцию, кроме как на такой емкий рынок в США?

Поэтому, действительно, экономика стала глобальной.

В чем-то глобализация приносит уже какие-то отрицательные результаты, зависимость.

Мы видим зависимость США от Китая по целому ряду товаров.

Но в целом это довольно большая связанная система, и она работает.

Поэтому мне кажется, что пока Соединенные Штаты оплачивают процентные платежи, успешно с ними справляются, проблема долга не будет столь острой.

Хотя платежи и растут.

И это, действительно, проблема.

До какой степени будет рост процентных платежей?

Вопрос – когда надо будет возвращать долг?

Ответ – в установленные при покупке облигаций сроки.

Ну, а одномоментно – никогда.

А вот процентные платежи – это серьезная вещь.

И здесь правительству надо смотреть, как реально эту проблему урегулировать.

Может быть, Трамп в этом смысле хочет сделать что-то полезное.

Иванова Н.И.: Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Пожалуйста, академик Угрюмов Михаил Вениаминович.

УГРЮМОВ М.В.

акад. РАН, д. б. н., заведующий лабораторией Института биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН, профессор Высшей школы экономики

Угрюмов М.В.: Виктор Борисович, спасибо большое за интересное сообщение, которое вызвало такую большую дискуссию и так много вопросов.

Вы говорили, что сейчас акценты переносятся на региональную глобализацию, и сравнивали, как это проявляется на уровне стран Евросоюза и так далее.

Мой вопрос такой.

Все-таки мы с Вами живем в России.

В какой степени санкции отражаются на участии в глобализации России, причем как с политической точки зрения, так и с экономической?

Супян В.Б.: Видите ли, мы все-таки сейчас находимся в особом положении.

То есть, конечно, нельзя говорить об изоляции.

Но то, что разорваны экономические связи с нашими бывшими главными контрагентами, в частности, в Европе, это факт.

То, что это отражается на нашем потреблении и на нашем производстве, – безусловно.

Никто, собственно, этого не скрывает.

Мы пытаемся как-то компенсировать эти проблемы, вводя так называемый параллельный импорт и прочее.

Но насколько это эффективно и может заменить связи, которые складывались десятилетиями, – большой вопрос.

Поэтому, мой ответ – да, влияет.

На мой взгляд, влияет достаточно серьезно.

Идеи так называемой суверенизации нашей страны, наш технологический суверенитет – это очень правильные идеи.

Но нам нужно ведь не только самим изобретать велосипед, но и использовать то, что наработано другими странами.

А другие страны – это страны развитые, которые уже имеют серьезные технологические заделы.

У Китая они большей частью основаны на заделах тех же самых Соединенных Штатов, Японии и Европы.

Вот мы и пользуемся пока этими заделами.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Коллеги, давайте ограничим вопросы, потому что у нас четыре докладчика и еще шесть дополнительно записавшихся выступающих. А еще будут вопросы к докладчикам.

Перейдем к следующему докладчику.

Гарбузов Валерий Николаевич, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Института США и Канады, выступит с докладом «США и трансформирующийся мировой порядок».

ДОКЛАД 2

ГАРБУЗОВ В.Н.

чл.-корр. РАН, д. и. н., главный научный сотрудник
Института Соединенных Штатов Америки и Канады
им. академика Г.А. Арбатова РАН

США И ТРАНСФОРМИРУЮЩИЙСЯ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Гарегин Ашотович, должен поблагодарить Вас за приглашение на сегодняшнее интересное заседание.

Думаю, что для всех оно очень полезно.

Что касается нас с Виктором Борисовичем, мы больше говорим о США, потому что мы из Института Соединенных Штатов Америки и Канады.

Здесь мы изучаем эту страну под разными ракурсами, в том числе и в международном плане.

Сейчас, конечно, и мы, и очень многие эксперты, да и вообще население – все больше говорят о Трампе. Потому что для мира и для США Трамп – определенный феномен, который еще предстоит изучать, изучать и изучать.

Мы отслеживали его первое президентство, не торопились публиковать монографии, но в этом году должна выйти очень объемная книга с подробным описанием всего того, что он и его администрация делали в 2017–2021 годах.

Надеюсь, и по второму президентству будет издано такое же произведение, второй том. Мы пригласим Вас на презентации этих трудов.

Итак, несколько моментов, связанных с Трампом.
Почему Трамп?

Вообще говоря, Соединенные Штаты Америки – это либеральное государство, в рамках которого сформировалось либеральное общество.

Либерализм – это основополагающее идейное течение этой страны.

Часто США называют родиной либерализма.

И вдруг там такой подъем консерватизма.

С чем это связано?

Был такой американский неоконсерватор – журналист и писатель Ирвинг Кристал.

Он считал так: консерватизм в США поднимается тогда, когда этой стране плохо.

Когда кризисы, когда какая-то неустроенность, тогда либерализм не в состоянии дать ответы на проблемы общества и решить их.

Вот тогда-то и поднимается консерватизм.

И он прав.

Если мы посмотрим на историю США после Второй мировой войны, то увидим несколько консервативных волн, которые накатывали, а потом уходили.

Не буду подробно их характеризовать, просто назову.

Первая консервативная волна 1950-х годов была связана с Джозефом Маккарти и эпохой маккартизма.

Вторая (конец 1960-х годов) – с Барри Голдуотером.

Третья (1980-е годы) – с Рональдом Рейганом, превратившим провинциальный американский консерватизм в уважаемый.

И эта третья волна оказалась самой успешной.

До Рейгана в США по-настоящему организованного консервативного движения не существовало, не было журналистов-консерваторов, не было канала «Fox News» и всего прочего – того, что теперь называют консервативной сетью.

Поэтому их влияние на электоральные массы было очень ограничено, а перспективы победы на президентских выборах скромны.

Они извлекли из этого уроки и к выборам 1980 года все это создали.

Рейгана уже не назовешь так, как называли консерваторов прежней поры – «деревенщиной».

Он оказался вполне респектабельным господином, который нужен был в качестве знамени консерваторов, поэтому на него и была сделана ставка.

В ходе своего президентства Рейган и рейганисты реализовали практику респектабельного консерватизма.

Рейган ушел – ушел с ним и консерватизм.

Вообще, особенность американских консервативных волн состоит в том, что они не могут существовать без лидеров. Без них они даже не поднимутся. Всегда необходим лидер, который обладает способностью удержать эту волну в течение какого-то времени.

И сегодня мы наблюдаем очередную, четвертую волну консерватизма в Соединенных Штатах Америки.

Особенность ее состоит в том, что у нее не один, а два подъема.

Первый подъем – это первое президентство Трампа. И он уже прошел.

И я думал: что же будет дальше?

Если Трамп, что называется, уйдет на покой, покинет политическую арену, то консерватизм уйдет в тень.

Без Трампа не будет и нового трамповского подъема.

Без него это невозможно.

Но он благодаря своей стойкости остался и встал во главе этого второго подъема современной американской консервативной волны.

Как называть эту новую волну?

Я думаю, ее стоило бы назвать авторитарным консерватизмом, потому что у Трампа слишком уж открыто, напоказ, абсолютно во всем проявляется этот ничем не сдерживаемый авторитаризм.

Нынешняя консервативная волна не вечна.

Она уйдет, как, впрочем, и сам Трамп. Надеюсь, его угрозы насчет третьего срока не воплотятся в жизнь. Вместе с ним уйдет и эта консервативная волна. С тем, чтобы когда-то, через 10-15 лет, вернуться снова.

Вот такова закономерность политических качелей в Соединенных Штатах Америки.

Институционально консерватизм представлен прежде всего Республиканской партией, а либерализм – Демократической.

Они-то и олицетворяют собой два основных идеальных течения в этой стране.

Не буду распространяться о первом президентстве Трампа.

Но совершенно очевидно, что его надо назвать «блокированным» президентством.

Потому что, если вспомнить, противники Трампа тогда «били» его каждый день.

«Били» оппоненты в Конгрессе, а он мастерски изворачивался.

Вместо законов выпускал исполнительные директивы.

Так и держался.

Но ему все равно организовали импичмент, а потом, уже на прощание, и второй.

У каждого американского президента свой «Уотергейт».

Такого противостояния, такой войны Конгресса и президента в США не было очень давно, хотя они всегда воюют друг с другом.

На этом построена система взаимоотношений исполнительной и законодательной власти в этом государстве.

А теперь – о втором президентстве Трампа.

Многие полагали, что Трамп вряд ли изменился за эти годы, и второе президентство будет напоминать первое.

Но нет.

Он поменялся и, несмотря ни на что, укрепил еще больше свои позиции и в обществе, и среди консервативной элиты.

Консервативный Фонд наследия подготовил для него материалы, в которых были обозначены ориентиры его будущего правления.

Доклад этого фонда «Мандат на лидерство», который был выпущен еще до победы Трампа, в период избирательной кампании, взбудоражил многих.

Потому что содержал программу ликвидации «глубинного государства», которое Трамп считал своим главным врагом.

И создания взамен него в США жесткой властной вертикали.

Многие считали, что такого быть не может. А оказалось – может!

Сам Трамп отмежевался от этого доклада.

Но когда он вновь пришел к власти, то стал действовать как будто под копирку текста того самого доклада.

Говоря при этом о том, что ему не нравится вся система власти в Соединенных Штатах Америки, которая складывалась там еще с колониальных времен.

И этим, конечно, он удивлял и продолжает удивлять не только американцев.

Как дальше будет складываться нынешнее президентство Трампа, покажет время. То, что оно будет непростым, это точно.

Оно будет президентством, во время которого Трамп не выполнит все свои грандиозные обещания.

Думаю, что, конечно, вряд ли он сам верит, что может воплотиться в жизнь все то, что он наговорил и про Гренландию, и про Мексику, и про Панамский канал.

Но кое-какие дивиденды из этого он, безусловно, извлечь может.

Самый наглядный пример – украинский кризис. Ни за один день, ни за полгода эту проблему решить не удастся.

А вообще, можно ли решить ее на тех подходах, которые мы наблюдаем сегодня?

Враждующие стороны конфликта явно не желают искать компромисс.

А компромисс в сложившейся ситуации – это главное условие их замирения.

Хотя бы на какое-то время.

Так что, как видите, громкие слова Трампа пока не превращаются в какие-то конкретные дела.

Американцы любят изучать деятельность своих президентов.

И обычно за время своей деятельности любой президент примеряет на себе два образа, выступая тем самым в двух ипостасях.

Первая – когда будущий президент (пока еще кандидат) добивается своего избрания.

Здесь он должен включать определенные механизмы, которые у Трампа развиты почти идеально.

Трамп проявил себя как уникальный мобилизатор электоральных масс.

К тому же он оказался и мощным «отрывателем» чужого электората.

В этом равных ему сегодня просто нет.

Любой его противник всегда будет проигрывать.

Вторая ипостась наступает, когда кандидат в президенты побеждает, становится уже избранным и вступает в должность.

С этих пор он должен сложить с себя полномочия мобилизатора масс, потому что становится государственным мужем и реформатором – главой государства.

С этих пор он должен методично и настойчиво реализовывать свои обещания.

А в этом Трамп гораздо слабее.

Он – не для монотонной каждодневной работы.

Его миссия совсем в другом: прежде всего – актуализировать проблему, привлечь к ней внимание американской и мировой общественности.

Когда начинаешь удивляться тому, что он делает, или, лучше сказать, что он творит, то думаешь: либо ему не подсказали его помощники, либо была недостаточно проработана проблема.

Поэтому от Трампа нередко исходят непродуманные, сырые предложения.

Такова реальность, которая уживается в этом человеке.

В нынешнее свое президентство Трамп очень многое наговорил и по поводу внешней политики.

Я не буду это повторять, все это слышали, все это знают.

Но хотел бы в связи с этим сказать вот о чем.

Часто говорят о том, что мир уходит от однополярности или биполярности.

Я предпочитаю говорить, что мир полицентричен.

И в нем формируются разные по величине центры силы, взаимодействующие между собой.

В результате этого складываются оси взаимодействия, которые зачастую становятся конфронтационными.

Многие полагают, что цель состоит в том, чтобы создать более справедливый, более совершенный мир.

Вполне очевидно, что все поколения политиков и в XIX, и в XX веке не обходили эту тему – тему справедливого мира.

Но точно так же ясно, что создать некий справедливый мир вряд ли получится ни в этом столетии, ни даже в отдаленном будущем.

Почему?

Потому что главной характеристикой любого мирового сообщества или мирового порядка является не абстрактная справедливость международных отношений, а голый государственный интерес отдельных государств либо интерес группы стран, который и претворяется в жизнь.

Столкновение их интересов и рождает конфронтацию.

А эта конфронтация может быть разной – и мирной, и немирной.

Такая вот реальность.

Всех сделать равными вряд ли получится, и мы видим это на примерах сегодняшнего дня.

Но я хотел бы сказать, что во все времена – и здесь уже звучала такая мысль – есть особые центры силы – суперцентры или локомотивы.

Сегодня в мире существуют два мощных глобальных локомотива – это Соединенные Штаты Америки и Китай.

Это две неформальные империи современного мира.

Почему империи, я думаю, понятно.

Потому что они распространяют свое влияние на весь мир, их экспансия глобальна.

Их сегменты присутствуют в каждом уголке земного шара. И эта экспансия продолжится.

Неформальный характер им придает то, что они, в противовес старым империям прошлого, действуют неформальными методами, инкорпорируя себя в остальной мир.

А поскольку так, то эти неформальные империи современного мира, которые за десятилетия укрепились во всех уголках земного шара, не так-то просто превратить во что-то иное.

И для Соединенных Штатов Америки, может быть, некоторое снижение своей роли, удельного веса – не так уж и страшно.

Самое главное то, что свою суть они вряд ли утратят и будут сохранять ее в дальнейшем.

Китай же идет по их стопам.

Он в свое время был и вскормлен, и вспоен именно Соединенными Штатами Америки.

И по иронии судьбы он превратился в их конкурента, которого они сами же и сформировали.

Сегодня это две неформальные империи современного мира.

Конечно, доминирующей державой останутся Соединенные Штаты Америки.

Это действительно особая супердержавка, которая сумела инкорпорировать в себя весь остальной мир.

А с другой стороны, она инкорпорировала себя в остальной мир.

Если кто-то захочет бороться с таким феноменом или захочет, что называется, свернуть шею этому

монстру, он должен понимать одно: сделать это очень сложно, потому что эти процессы идут уже десятилетия, с конца XIX и в течение XX–XXI веков.

Итак, весь мир состоит из центров силы, о которых уже говорилось выше.

Ими могут выступать либо отдельные государства, либо группы стран.

Но вместе с тем в мире существуют оси взаимодействия и оси конфронтации.

Очень часто бывает так, что оси взаимодействия выступают и в виде осей конфронтации, и наоборот.

В нынешнем мире существует две главных конфронтационных оси – американо-китайская и американо-российская.

Американо-китайская понятна.

Эта ось очень своеобразная, потому что это не только конфронтационная ось.

В нее вмонтирован механизм ее внутреннего регулирования.

Торговые войны, которые ведутся между этими державами, – это не просто торговые войны.

Это своеобразный механизм регулирования конфликта.

Они время от времени будут разгораться, но они возникают и прекращаются, потому что перерастают в переговоры, в результате которых достигается какое-то соглашение.

Вторая конфронтационная ось – американо-российская.

Здесь нет того, что есть в китайской оси.

Механизм внутреннего регулирования в этой оси полностью исчез, и никто не может сказать, как его создать, воссоздать или придумать взамен что-то принципиально новое.

Пока что это санкционная спираль, на которую и накручиваются отношения двух государств.

Все мы привыкли говорить об американо-китайском противостоянии.

Кто-то даже считает, что формируется новая биполярность, что все это обязательно закончится неизбежной войной.

Не думаю.

Слишком уж эти две державы нужны друг другу, слишком уж они взаимосвязаны.

Встроенный механизм внутреннего регулирования снижает опасность, исходящую от подобной конфронтации.

А вот конфронтационная ось без механизма регулирования, какой является российско-американская, мне кажется, представляет наибольшую опасность хотя бы тем, что она может рождать трудноразрешимые конфликты, подобные украинскому.

И последнее.

У каждого мирового субъекта есть свои интересы.

Но среди всех государств мира есть три державы, у каждой из которых есть свои глобальные геополитические программы.

Понятно, что это прежде всего Соединенные Штаты Америки.

Со своим философским набором, лежащим в основании этой глобальной программы: универсализм

американских ценностей, американская исключительность, американское лидерство, глобальное доминирование.

Вторая держава с глобальной программой – Китай.

И программа эта также философски обоснована. Но по-китайски.

Она была выдвинута и обоснована в виде того, что сейчас китайцы называют «сообществом единой судьбы человечества».

Недавно Си Цзиньпина спросили: что же это такое?

Он ответил: это развитие пяти принципов мирного сосуществования, которые были приняты еще в 1960–1970-е годы.

Тем не менее в таком виде она существует, и она явно не похожа на американскую.

Это, что называется, глобальное лидерство Китая без его стремления стать гегемоном.

Все мы помним, что при Мао Цзэдуне в 1960–1970-е годы Китай боролся с американским империализмом и советским гегемонизмом.

А сегодня современный Китай словами своего лидера говорит, что не претендует на то, чтобы быть гегемоном, потому что это плохо для всех.

И третья программа – программа России.

Почему я ее тоже называю?

Во-первых, Россия – великая держава. Во-вторых, в годы существования СССР она была супердержавой, а такой период для государства не проходит даром.

И думать о том, что бескровный развал Советского Союза привел к созданию нескольких независимых государств и на этом все закончилось, было бы наивно.

Спустя определенное время у России возник так называемый постимперский синдром.

И он стал себя проявлять не сразу, а спустя годы.

Этот отложенный, запоздалый постимперский синдром проявляет себя и сейчас.

России сложно быть обычной державой после длительного периода коммунистического экспансионизма и стремления создать через мировую революцию всемирную коммунистическую империю.

Это не удалось.

И тогда Советский Союз, в общем-то, сделал то, что он только и мог сделать, – создал мировое коммунистическое движение.

А что собой представляет сегодняшняя российская геополитическая программа?

Она сформирована в рамках евразийского пространства.

У нынешней политической элиты России есть стремление на путях евразийства закрепиться и стать чем-то большим, чем простое государство в своих собственных границах.

Но здесь есть своя проблема. Азиаты, как известно, не очень любят Европу.

Они и готовы разделить эту концепцию, но только без Европы.

А без Европы это уже не Евразия, а что-то совсем другое.

Здесь такой большой вопрос.

Так что это, образно говоря, три корабля, которые готовы вести за собой если не весь земной шар, то хотя бы какую-то его часть.

Как они будут плыть и наткнутся ли на взаимные противоречия – надеюсь, мы сможем увидеть в этом столетии.

Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Коллеги, кто хочет задать вопрос?

Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации Азимов Анвар Сарварович.

Пожалуйста, Анвар Сарварович.

АЗИМОВ А.С.

к. и. н., старший научный сотрудник МГИМО, чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в отставке

Азимов А.С.: Валерий Николаевич, спасибо за очень интересные и в известной мере философские рассуждения.

Мой вопрос связан с феноменом Трампа, исключительно многосложным и загадочным для нас.

Да простят меня сторонники Трампа в США, хотя есть сторонники Трампа и в нашем истеблишменте, которые питают определенные иллюзии в отношении этой действительно загадочной фигуры.

Но мой вопрос касается России.

Как Вы считаете, Трамп все же является временным попутчиком для России?

Вряд ли он, наверное, может рассматриваться как стратегический партнер? Хотя, конечно, хотелось бы.

Либо же это скрытый, а в перспективе – открытый противник России?

Спасибо.

Гарбузов В.Н.: Спасибо большое.

Считаю, что Трамп, конечно, во-первых, очень сложный партнер, несмотря на простые заявления, которые он делает.

Вообще говоря, я задавался вопросом: Трамп – это закономерность Соединенных Штатов Америки, либо это случайность, некая американская аномалия?

С одной стороны, это закономерность, потому что это своеобразный ответ на все, что происходило раньше.

Вспомните, когда левый демократ Обама пришел к власти, буквально через некоторое время в США

поднялось стихийное, плохо регулируемое правоконсервативное «Движение чаепития».

Через какое-то время появляется Трамп и пытается это движение «оседлать», но его активисты не хотят такого седока.

Он отступает и думает о том, чтобы все-таки идти в политику самому, потому что он сам и есть движение.

Вспомните, что он говорит, что делает, особенно в первое свое президентство, учитывая, что мы предпочитаем судить именно по делам, а не по словам.

В первое свое президентство он очень неплохо отзывался о России и о Путине, говоря о том, что он его очень хорошо знает.

А вскоре после этого вдруг подписывает новые антироссийские санкции.

Столько санкций против нашей страны не санкционировал ни один американский президент, да и все американские президенты – предшественники Трампа.

Так исходя из этого, кто же он?

Конечно, некоторые представители российской власти были явно ослеплены необъяснимой любовью к нему.

Потому-то такие протрамповские настроения царили у нас, особенно в самом начале первого президентства Трампа.

Сейчас этого фанатизма явно меньше, но тем не менее политическая элита готова все равно рассматривать Трампа как последний или возможный шанс для налаживания каких-то отношений, с тем чтобы «скинуть» санкции.

Если говорить по большому счету, то стратегически я бы его не рассматривал.

Сегодня он стратегический партнер, а завтра, извините, его на этой дороге нет.

Еще надо иметь в виду, что, конечно, в этом смысле Соединенные Штаты Америки – сложное государство. Промежуточные выборы (в ноябре 2026 года) сократят позиции Трампа.

А впереди – следующие президентские выборы.

Я не исключаю, что демократы, которые трудятся над тем, чтобы вернуться, возьмут реванш.

Пройдут годы, и про Трампа, конечно, будут вспоминать.

Но Трамп и так называемый трампизм – это не вечная политика.

Что в наследии Трампа останется в российско-американских отношениях?

Мне очень сложно сказать. Если мы зададим такой вопрос по его первому президентству...

А кроме санкций мы ничего и не сможем назвать.

Вот вам и все наследие.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Анвар Сарварович, то есть по вторникам он партнер, по средам-четвергам он может быть...

Азимов А.С.: Он мне иногда напоминает Остапа Бендера со своими комбинаторскими и манипуляторскими способностями.

Тосунян Г.А.: Да.

Азимов А.С.: Спасибо.

Тосунян Г.А.: Хорошо. Лев Московкин, короткий вопрос, короткий ответ.

МОСКОВКИН Л.И. – чл.-корр. ГАРБУЗОВ В.Н.

МОСКОВКИН Л.И.

специальный корреспондент газеты «Московская правда»

Московкин Л.И.: Спасибо большое.

Если он так нетерпим, то что произошло в ноябре?

Почему вдруг весь административный ресурс как будто кнопкой выключили?

Это что, «Операция Ы» Гайдая?

И куда он дальше пойдет?

По судьбе Кеннеди или Линкольна?

Трамп, вообще-то, по-русски – это шатун, как я понимаю, и любой партнер хорош, чтобы избежать большой войны.

Других интересов тут ни у Трампа, ни у России, да, собственно, у всех – нет. Так мне кажется.

Спасибо Вам большое.

Гарбузов В.Н.: Не понял вопроса, честно говоря, но отвечу.

Тосунян Г.А.: Это как реплика.

Московкин Л.И.: Ну хорошо, Ельцин расстрелял Верховный Совет, а Трамп что будет делать?

Тосунян Г.А.: Понятно.

Михаил Вениаминович Угрюмов, пожалуйста.

акад. УГРЮМОВ М.В., чл.-корр. ГАРБУЗОВ В.Н.,
акад. ТОСУНЯН Г.А.

Угрюмов М.В.: Спасибо большое за интересное сообщение.

Мне немножко резануло слух то, что Вы ставите на одну ступеньку, на один уровень империи в классическом понимании, которые мы знали в XIX веке, и Советский Союз.

А почему?

Какой основной принцип империи?

Скажем, Французская империя.

Север Африки был в составе Французской империи.

Принцип какой?

Выкачивание богатств из этих стран и удержание их на низком уровне – образовательном, культурном, экономическом и так далее.

А что давал Советский Союз, распространяя свое влияние?

Он давал все с точностью до наоборот.

Тосунян Г.А.: Вопрос, пожалуйста.

Угрюмов М.В.: Вопрос такой: я ничего не перепутал?

Потому что, скажем, в Венгрию, находящуюся под влиянием Советского Союза, инвестировали очень много.

Венгрия в советский период была богатейшей страной.

Когда распался Советский Союз и Венгрия лишилась дотаций, она стала беднейшей страной.

Как можно ставить на одну ступень классические империи и Советский Союз?

Гарбузов В.Н.: Возможно, создалось такое впечатление, что это «на одной доске».

Вообще, я выделяю две неформальные империи современного мира – это США и Китай.

Создавались они примерно не то чтобы одинаково, но по каким-то одним лекалам.

Китай воспринял методы распространения экспансии, американского влияния, но все это, конечно, по-китайски, с особенностями и так далее.

Советский Союз и нынешняя Россия не являются неформальной империей современного мира, но своя геополитическая программа, распространение своего влияния за пределы собственных границ, конечно, есть.

Поэтому в этом плане Россия – это страна, которая обладает собственной программой и проводит политику создания своих полей геополитического влияния, либо утраченных, либо новых.

Однако это не империя, равная тем старым империям.

Кстати, всегда говорилось об особенностях Российской империи, о том, что она не похожа на Британскую, на Французскую, у которых были заморские колонии.

А все колониальные владения Российской империи умещались на евразийском пространстве.

Говоря о Советской империи, я думаю, что здесь главным фактором, конечно, является территориальная экспансия.

Это такое явление, которое позволило создать огромные территории, управляемые из одного центра.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Михаил Вениаминович, боюсь, что Вы немного заблуждаетесь по поводу процветающей Венгрии в советское время и стагнирующей и загнивающей Венгрии в современный период.

Думаю, что вопрос развития страны, наверное, включает еще и степень свободы, которой страна обладает в рамках своего суверенитета и своих прав. В том числе прав человека.

В частности, в период Советской империи и в пост-советский период, думаю, при всех недостатках современного состояния сравнение не в пользу советской Венгрии.

Из Ваших уст утверждение, что такая благодать была в тот период и произошло такое падение после того, как они перестали быть под нашей доминантой, звучит вдвойне странно.

Угрюмов М.В.: Гарегин Ашотович, я не зря назвал Венгрию, потому что я знаю про Венгрию не из источников массовой информации, а из личного опыта.

Я работал в Венгрии в советский период, и я знаю, что, например, научные работники там имели возможность стажироваться в лучших зарубежных лабораториях.

Но я не знал ни одного, кто захотел бы там остаться. Это первое.

И второе. Когда я приехал в Венгрию уже 20 лет спустя, после перестройки, я увидел ее всю обшарпанной.

Поэтому это мой личный опыт, и он абсолютно достоверный.

Тосунян Г.А.: Тогда странно, почему они не просятся войти в качестве республики в Российскую Федерацию. Дождемся, надеюсь, попросятся.

Угрюмов М.В.: Я отвечаю за то, что я сказал.

Но нужно иметь в виду, что Российская Федерация – это не Советский Союз.

Тосунян Г.А.: Хорошо.

Спасибо большое двум докладчикам из Института США и Канады.

Коллеги, если не возражаете, давайте выслушаем третий доклад: «Расшифровать Трампа-2: “дорожная карта” неоглобалиста».

Докладчик – Владимир Дмитриевич Миловидов, доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений имени Примакова РАН.

Прошу Вас, Владимир Дмитриевич.

ДОКЛАД 3

МИЛОВИДОВ В.Д.

чл.-корр. РАН, д. э. н., доцент, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

РАСШИФРОВАТЬ ТРАМПА-2: «ДОРОЖНАЯ КАРТА» НЕОГЛОБАЛИСТА

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Прежде всего спасибо за приглашение на это замечательное мероприятие.

Я участвую в нем первый раз.

Когда мы переписывались с организаторами, в итоге в совместных поисках родилась эта тема.

Сразу хочу пояснить, почему такое название – «Расшифровать Трампа-2: “дорожная карта” неоглобалиста».

Так случилось, что ровно через год после вступления в должность Трампа в 2017 году, в начале 2018 года я опубликовал статью «Расшифровать Трампа», где задался вопросом, как разгадать его феномен.

Есть в нем загадочность или нет?

Так родилась двойка в этом названии.

А про «дорожную карту» неоглобалиста кратко поясню в ходе доклада.

Я экономист, поэтому буду больше акцентировать внимание именно на экономике.

Тема, которая меня в научном плане все больше и больше интригует и интересует, – это то, до какой степени человеческие настроения, эмоции, психология

соединяются с экономическим поведением человека-политика.

Насколько Трамп – политик в чистом виде, насколько он – живой человек? И насколько его эмоциональность действительно становится фактором политики?

Поэтому то, о чем я буду говорить, это, наверное, некая попытка соединить эмоции со здравым смыслом.

Если сравнивать два срока, о чем говорил сам Трамп, напрашиваются названия известных книг Драйзера – «Стоик» и «Титан», только в обратной последовательности.

В первый срок, действительно, Трамп преодолевал многочисленные сложности.

Он как будто отдавал долг своим избирателям, которые неожиданно для него самого, как писали отдельные эксперты, избрали его в качестве президента.

Он был вынужден бороться с определенным противостоянием внутри своей собственной партии, доказывать свое присутствие и свою роль, бороться с Конгрессом, который был разделен довольно существенно и противостоял ему.

Здесь упоминались санкции.

Я тоже часто слышу, и сам Трамп об этом гордо заявляет, что он был президентом, который ввел больше всех санкций.

Но это неправда.

Он кодифицировал санкции, которые были введены до него указами Обамы.

И тот известный закон, принятый Конгрессом, который он подписал, – это закон, объединяющий все ранее введенные санкции.

И плюс, конечно, он добавил кое-что от себя.

Во многом, по всей видимости, его несопротивление Конгрессу, желание идти на уступки отражало именно то, что ему нужно было проявить себя в том месте, где он оказался.

Поэтому в недавнем интервью журналу «Атлантик» он сказал: «В первый срок я управлял страной и выживал, в новом сроке я управляю страной и миром».

Так он перевел себя в разряд «титанов», которые сегодня претендуют на то, что они фактически определяют судьбу не только Соединенных Штатов Америки, но и всего мира.

Отсюда его такое напористое движение.

Он видит себя героем, победителем (об этом я чуть позже скажу), таким консолидатором республиканской партии. Сегодня она достаточно консолидирована вокруг него.

Безусловно, MAGA стала национальным движением. И понятно, что напрашивается его известный лозунг: «Make America Great Again».

Хочется сказать: «Great again Trump makes America great again». То есть «Снова Великий Трамп делает Америку великой».

Еще один очень важный аспект, который влияет на его личность и поведение, – это магические совпадения, позволяющие ему, наверное, быть уверенным в своей избрannости.

В феврале 2017 года Трамп выступал в Конгрессе со своей первой речью, которую он начал словами о том, что думает о будущем Америки.

Он напомнил, что в 2026 году США будут отмечать свое 250-летие, и сказал, что для него важно, какой

страной Америка встретит этот юбилей. Трамп подчеркнул, что США должны стать снова великой страной...

Тогда, естественно, возникало некоторое недоумение: даже если Трамп побеждает в свой второй срок, он никак не сможет праздновать 250-летие США в 2026 году в кресле президента.

Если бы его избрали на второй срок, то к 2026 году он уже закончился бы. А то, что его выберут второй раз, никому вообще не приходило в голову.

Такое случалось более 100 лет назад, когда демократ Кливленд стал сначала 22-м, а потом и 24-м президентом США.

Но наступил ковид, известные процессы в Соединенных Штатах Америки.

Трамп проигрывает выборы в 2020-м и чудесным образом выигрывает их в 2024 году.

И он будет встречать 250-летие США в должности президента Соединенных Штатов Америки.

Фактически сама судьба, в том числе простреленное или задетое его ухо в момент покушения, подарила ему этот шанс.

Но что самое главное, о чем я постоянно всем говорю и на что обращаю внимание.

Мы знаем, что 4 июля – День независимости Соединенных Штатов Америки.

14 июня 2026 года Трампу исполняется 80 лет.

Я глубоко убежден, что такой человек, как Трамп, хочет превратить свой 80-летний юбилей в 250-летний юбилей Соединенных Штатов Америки.

Или наоборот, 250-летний юбилей США – в свой собственный.

Это тоже добавляет эмоциональности.

И еще известный американский колумнист Закария Джонсон назвал его политику во время первого срока «перформативной жестокостью», как бы указывая на то, что он не идет ни на какие компромиссы, он идет напролом и все время добивается результата.

Сегодня это выражение широко используется для определения политики Трампа.

То есть в нем есть вот эта перформативность, он использует в речи перформативные выражения: «я делаю», «я сделаю», «я буду», «я настаиваю»...

Такая особая форма выражения мыслей.

И на сегодняшний день он продолжает эти активные действия с новой силой.

Совершенно правильно было сказано в предыдущем докладе «Трампономика 2.0», что в значительной степени он продолжает эту линию по многим направлениям.

Это и пошлины, и налоги, и, собственно говоря, один большой прекрасный закон, «One Big Beautiful Bill», который был принят Конгрессом с перевесом в один голос.

В нем фактически закреплены те экономические преобразования, которые он начинал в 2017–2018 годах.

И пошлины, и снижение налогов, и другие меры теперь из временных становятся постоянными.

Поэтому сегодня Трампу, конечно, нужны очевидные результаты.

Он нацелен на то, чтобы войти в историю героем.

Согласен с коллегами: вопрос о том, что будет после 2026 года, открыт.

Потому что выборы в Конгресс могут изменить расклад сил.

С моей точки зрения, Трамп должен отдавать себе отчет в том, что у него, по существу, на эту активную деятельность всего лишь два года – 2025-й и 2026-й.

А дальше – пойдет как пойдет.

Естественно, он спешит, поэтому и давит на всех в силу своей осознанной избранности.

Теперь более важный вопрос.

Трамп – неоглобалист.

Хочу вернуться к предыдущим докладам и добавить от себя.

К сожалению, я замечаю, что мы очень часто выхватываем из контекста какие-то слова и начинаем сами придумывать им названия, или, вернее, смысл.

Сейчас в таком негативном ключе очень распространено слово «глобалист». Глобалисты во всем виноваты.

Кто такие глобалисты, я, честно говоря, до конца не знаю.

Но, безусловно, тенденция глобализации как была, так и остается, ее никто не отменял.

Считаю, что Трамп является выразителем этой глобализации, развития глобального мира.

Полагаю, что мир по своей природе вообще глобален.

Если мы вспомним древних греков, которые плавали, правда, только в своем Средиземном море, или Одиссею...

Собственно, это тоже мир, который уже тогда становился глобальным.

Другое дело, как он трансформируется в сознании Трампа и как он трансформируется в его действиях.

Если мы посмотрим, то, в общем-то, практически все действия Трампа направлены не на то, чтобы замкнуться в рамках Соединенных Штатов Америки.

Где-то я слышал версию о том, что Трампа вообще интересует только Западное полушарие.

Наоборот, вся политика Трампа направлена на то, чтобы укрепить позиции Соединенных Штатов Америки в том мире, в котором мы существуем.

Это – не отказаться от мира, а это – укрепить себя в этом мире.

Если вернуться к дискуссии по поводу глобальности...

Собственно, все здесь присутствующие встали на ноги, выросли в условиях глобализации, построенной на многосторонних институтах и многосторонних соглашениях.

1944 год. Бреттон-Вудская система, мировые финансовые институты, затем создание ООН, Генеральное соглашение о тарифах и торговле, превратившееся в ВТО, и дальше, дальше, дальше... Мир шел по линии создания многосторонних институтов глобального управления. Все институты глобального управления – многосторонние.

Что делает Трамп?

Он видит, что США начинают уступать место другим странам.

Прежде всего, я согласен, это Китай, который стал в определенном смысле наследником США в части управления глобальными институтами и использования их в своих интересах.

И не только Китай, но и Индия – это страны с очень глобальным мышлением.

Поэтому сегодня логика Трампа такова.

Он не отрицает главенство США в мире. Он говорит о том, что необходимо перевести многосторонние соглашения – в двусторонние.

То есть эта глобализация должна быть построена на двусторонних соглашениях, в которых он через различные инструменты выторговывает для себя определенные приоритеты.

Об этих приоритетах я скажу чуть позже.

То есть это глобальный мир, но построенный не на многосторонних институтах, а на двусторонних отношениях, в которых доминирует США.

Собственно говоря, примеры мы видим.

Трамп постоянно говорит, что США – это глобальная сила, а сам он – единственный, кто решает международные споры.

Немного отступлю от темы.

Мы говорим про регионализм, про пошлины...

Но как мы можем называть человека противником глобализации, если основой пополнения бюджета США, в его логике, становятся импортные пошлины?!

Доходы, которые он обеспечивает за счет налоговой реформы, 4 трлн долларов, выпадают на определенный период времени.

На 2 трлн долларов он их пытается погасить за счет внешних пошлин.

Это человек, который ориентируется на внешнюю торговлю, на постоянные мирохозяйственные связи, не отрицая их.

То есть он рассчитывает на то, что даже при повышении пошлин товары в США пойдут, поскольку рынок интересный.

США будут от этого только выигрывать.

Здесь приводилась ссылка на президента Маккинли. Что интересного было при нем?

Самые высокие пошлины в истории США – под 40% – на импортные товары.

При этом в США отсутствовал подоходный налог.

В 1916 году ситуация поменялась, и американцы стали переносить тяжесть бюджетного финансирования, налогового бремени с иностранцев, то есть с пошлин, которые составляют 40% и более, на внутреннюю экономику, на внутренний рынок.

И постепенно, начиная с 1916 года, стремительно падает уровень торговых пошлин, импортных пошлин в США.

При этом налоги там достаточно существенные.

Все американцы, где бы они ни жили, платят налоги как американские граждане...

Там нет налогового резидентства или нерезидентства, как в других странах.

Сейчас мы видим, что эта ситуация разворачивается.

Трамп опять возвращается к тому, чтобы облагать налогом иностранцев, снижая налоговое бремя с внутренней экономики – с прибыли, с подоходного налога предприятий.

Он как бы разворачивает тот тренд, который наблюдается фактически уже более 100 лет.

И дальше возникает вопрос: почему он это делает?

Перехожу к самому важному.

Позволю себе прокомментировать вопрос о тяжести, обремененности американского долга.

Здесь прозвучало, что в этом сила американской экономики.

А мы все время рассматриваем американский долг в контексте обременения.

От себя добавлю, что нет никаких проблем для Соединенных Штатов Америки оплатить все долги.

Это простая операция для Федеральной резервной системы, когда выкупленные казначейские обязательства ставятся на баланс, а эмиссия осуществляется деньгами.

Активы с пассивами сходятся – и вообще нет никаких проблем.

Это не печатный станок в таком примитивном понимании, печатающий эти купюры, которые отвозятся куда-то в Китай.

Поэтому это все можно сделать, и проблем с погашением у них, действительно, нет.

Другое дело, что мы должны рассматривать американский долг не как долговой инструмент, не как обременение, а как вынужденную систему поддержания доминирования доллара в качестве международной валюты. И в этом, как они справедливо говорят, и есть главная «проблема» Америки.

Если мы почитаем Стивена Мирана, главу экономических консультантов США...

Он написал довольно большую работу, и его логика следующая.

Существует как бы три модели.

Модель известного экономиста Роберта Триффина.

Он сформулировал парадоксальную дилемму (парадокс Триффина).

Она состоит в том, что если страна хочет сделать свою валюту международной, то фактически она должна согласиться на то, что у страны будет устойчивый торговый дефицит.

Но, к сожалению – и в этом дилемма и парадокс, чем больше торговый дефицит данной страны, тем ниже курс национальной валюты.

И, соответственно, интерес к ней как к международной валюте падает.

Есть трехмерный мир США, который позволяет нивелировать эту ситуацию, и нивелировать именно долгом.

Потому что страны-экспортеры, с которыми у США создается отрицательный торговый баланс, аккумулируют доллары.

И что они с ними делают?

Они их инвестируют в американские казначейские обязательства.

Они становятся резервным ресурсом.

Более того, американский финансовый рынок превращается в мощный аккумулятор тех самых долларов, которые распространяются в мире, в том числе благодаря постоянно отрицательному торговому сальдо США со своими партнерами.

И это, по мнению экономистов, ведет к тому, что курс доллара начинает не падать, как это писал Триффин, а укрепляться.

А если он укрепляется, то какой следующий виток?

Опять увеличение импорта.

И торговый дефицит США с миром хронически становится отрицательным.

Более того, это побуждает бизнес выводить свои производства в страны, где эффективность выше.

По существу, страна, так сказать, деиндустриализируется, теряет свои производства. При этом она остается держателем патентов, ноу-хау, остается крупнейшим экспортером финансовых услуг, крупнейшей страной с экономикой услуг.

Но все производство уходит в сторону и сталкивается с этим отрицательным торговым балансом.

«Поэтому это надо поменять», – считает Трамп.

Каким образом?

Как было правильно сказано, двусторонними соглашениями, повышением пошлин, которые компенсируют расходы.

Соответственно, достигается договоренность не скрытая, а прямая.

Так было с Канадой и Мексикой.

В частности, с Китаем напрямую было подписано соглашение об отказе от манипулирования национальными валютами и фактически от девальвации доллара. Или, точнее, от укрепления других валют по отношению к доллару.

Поэтому, когда мы об этом говорим, мы говорим просто о другой форме, так скажем, глобального присутствия США в мире, где они продолжают задавать тон.

Они продолжают определять ситуацию в мире, но на своих собственных правилах и условиях.

Еще раз повторю, что я выстраивал доклад эмоционально, при этом делая акцент на экономической тематике.

Я не затрагивал военно-политические вопросы, но они являются, с моей точки зрения, следствием проводимой США политики.

Поэтому, с моей точки зрения, сегодня Трамп остается неоглобалистом в том плане, что он просто выстраивает мир под некую новую глобальную доктрину США в этом мире.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Коллеги, вопросы.

Пожалуйста, академик Угрюмов Михаил Вениаминович.

акад. УГРЮМОВ М.В. – чл.-корр. МИЛОВИДОВ В.Д.

Угрюмов М.В.: Скажите, пожалуйста, в результате трамповской политики сейчас уже наблюдаются серьезные изменения курса доллара, например, по отношению к евро в Европе и по отношению к рублю – в России?

То есть мы видим в последнее время, что курс доллара как будто падает.

Это сиюминутное явление, или оно будет иметь долгосрочный эффект?

Миловидов В.Д.: Действительно, первая реакция рынков, которую мы наблюдаем сейчас, показывает некое ослабление доллара.

Я не назвал бы это стремительным ослаблением: индекс доллара упал, но не глобально, не сильно.

Что касается укрепления рубля, это, конечно, отдельный болезненный вопрос.

С точки зрения мирового валютного рынка доллар потихоньку ослабевает.

Но очень много тенденций, которые это сдерживают. Почему?

Пример с пошлинами. Приведу статистику.

С октября прошлого, 2024 года, когда у них начался очередной финансовый год, Казначейство США получило свыше 90 млрд долларов доходов в виде пошлин и различных трансграничных платежей, которые связаны с перемещением товара.

Из них порядка 40 млрд долларов принесли госпошлины США – госпошлины Трампа.

Если средние поступления пошлин в месяц в американскую казну составляли порядка 5-6 млрд долларов, то в апреле-мае это более 20 млрд долларов.

То есть это увеличение фактически в 4,5 раза.

В общем, как говорит Трамп, если взять 10% от всего прошлогоднего американского импорта, фактически они погашают отрицательное сальдо торгового баланса.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Пожалуйста, коллеги, вопросы.

акад. ИВАНОВА Н.И. – чл.-корр. МИЛОВИДОВ В.Д.

Иванова Н.И.: Владимир Дмитриевич, у меня короткий вопрос.

Согласна с Вашей логикой, что Стивен Миран опирается на Триффина, известного бельгийского экономиста, давно уже, как говорится, устаревшего.

Но Миран проводит аналогию еще дальше, по крайней мере, в своих открытых публикациях.

Он утверждает, что дальнейший ход действий – это достижение некоего общего соглашения типа «Plaza Accord» («Соглашение о валютных курсах Группы пяти» 1985 года).

Тогда доллар был девальвирован, и то, что сейчас называют возможным соглашением «Mar-a-Lago Accord», будет аналогом?

При этом после 1985 года за новую роль американского доллара как резервной валюты заплатила Япония, которая с тех пор стагнирует. А сейчас, вероятно, заплатит Китай.

У Вас есть точка зрения по этому вопросу?

Спасибо.

Миловидов В.Д.: Спасибо за вопрос.

Я, честно говоря, в такое мало верю.

Пока все слова Трампа и все его действия указывают на то, что он будет добиваться примерно того же самого, но только не таким большим «Аккордом», а в двусторонних соглашениях. Это во-первых.

А во-вторых, безусловно, ключевым плательщиком должен стать Китай.

Но судя по тому, что он «давит» и на соседей, в частности, Канаду, Мексику и Европу, им тоже придется платить.

Причем, наверное, после Китая на втором месте должна оказаться Европа со своим евро.

Иванова Н.И.: Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.
Прошу Вас, Виктор Борисович.

чл.-корр. СУПЯН В.Б. – чл.-корр. МИЛОВИДОВ В.Д.

Супян В.Б.: Можно задать вопрос от докладчика докладчику?

Владимир Дмитриевич, известно, что на протяжении многих десятилетий американские пошлины были ниже, чем пошлины других стран.

Американцы это терпели.

Полагаю, что не просто терпели, а получали от этого немало выгод.

Выгод в том числе политических.

Давая такие привилегии своим партнерам, они производили некое политическое манипулирование по разным поводам плюс получали огромное количество дешевых импортных товаров, которые шли в Америку.

Теперь мы видим, что Трамп заговорил о взаимных пошлинах. О том, что надо их уравнивать.

В чем, как Вы полагаете, все-таки главная причина стремления уравнивать пошлины – американские и импортные тарифы?

Мне показалось, что в Вашем докладе объяснение лежит в денежном феномене.

То есть в стремлении объяснить это курсом доллара, желанием ослабить позиции доллара, с тем чтобы внешняя торговля США была выгодной и таким образом был бы уменьшен дефицит торгового баланса.

Или все-таки надо иметь в виду более практический ракурс?

Просто в результате они потеряли производство, которое ушло за рубеж, и та деиндустриализация, которая имела место, требует какой-то компенсации.

Миловидов В.Д.: Спасибо.

Памятуя о выступлении коллеги, сразу хочу сказать, что я не являюсь адептом Трампа.

Почему я сделал такую оговорку?

Потому что второе мое высказывание будет состоять в том, что на самом деле Трамп выбрал довольно гибкий подход, универсальный и достаточно разумный.

Первое – да, за этим стоят исключительно деньги, желание конкретно заработать.

То, что решение в конечном счете приведет (и уже приводит) к определенному возврату промышленности и производства в США, это тоже фактор действующий.

Он таким образом в определенных регионах и определенных секторах восстанавливает американское присутствие.

Это реальный фактор.

Второй вопрос – более глобальный и, если хотите, общеполитический.

Мы видели, как США после войны выстраивали свою глобальную систему, построенную на всех этих институтах.

Она им была выгодна, они ею пользовались.

С одной стороны, благодаря своей системе финансовых рынков, возврату долларов назад в США они фактически финансировали свою деятельность.

Они на самом деле построили очень хорошую «вертушку» денег (не знаю, пирамиду или не пирамиду, но хорошую).

Покупаются товары. Платятся доллары.

Потом эти доллары возвращаются на фондовый рынок.

То есть это долг, который тебя финансирует.

А на фондовом рынке динамика – вверх-вниз, вверх-вниз...

Таким образом, лишние деньги еще периодически обесцениваются.

Это был такой уникальный инструмент.

И вдруг они поняли, что на этой схеме их начали обыгрывать.

Обыгрывают прежде всего китайцы, которые начали богатеть.

Они стали конкурировать по технологиям, стали доминировать в торговле.

Американцы поняли, что эта система уже не работает, ее надо как-то поменять.

И плюс к этому – заработать, потому что эти пошлины реально приводят к тому, что фактически компенсируют свое выпадающее сальдо торгового баланса.

Думаю, Трамп рассчитывает, что это не приведет к существенным проблемам на внутреннем рынке США.

Спорный вопрос.

Не знаю. Это рискованная игра.

Но факт есть факт.

Есть статистика американских ассоциаций розничных продавцов, которая говорит о том, что в США до 60% товарной массы продается с дисконтом до 30%.

То есть практикуются сейл (sale), скидки, прочие факторы, которые снижают цену.

Поэтому, в принципе, его игра понятна.

Вы поставляли нам товары и поставлять будете, импорт будет.

Скорее всего, на долгое время будет отрицательное торговое сальдо, но вы нам его будете оплачивать в бюджет, и мы будем получать с этого доходы.

Вот примитивная или не примитивная игра бизнесмена, который это выстраивает.

Это моя точка зрения.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Академик Полтерович. Прошу Вас, Виктор Меерович.

**акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М., чл.-корр. МИЛОВИДОВ В.Д.,
акад. ТОСУНЯН Г.А.**

Полтерович В.М.: Спасибо большое за интересный доклад.

У меня вопрос по поводу термина «глобализация».

После Второй мировой войны США добивались не только выгоды для себя – их политика способствовала развитию всего Западного мира.

То, что делает Трамп, мне кажется, напрямую противоречит этой логике.

Он добивается выгоды исключительно для себя в ущерб другим странам, в том числе, казалось бы, и дружественным странам.

Какова Ваша точка зрения?

Миловидов В.Д.: Сомневаюсь, что до Трампа США сильно заботились о будущем и экономическом процветании других стран.

Это отдельный спор и дискуссия.

Что касается вопроса.

Да, это попытка использовать преимущество американской экономики на мировом, глобальном рынке для дополнительного обогащения государства и пополнения его бюджета.

Еще раз повторю.

Схема банальна, но она понятна.

Государство снижает налоги на внутреннюю экономику и повышает на импортеров. Во-первых, зная, что внутренний рынок конкурентоспособен и там будут продажи и дисконты. Во-вторых, понимая, что этот рынок настолько емкий, что все равно товары будут туда поставляться.

Вот, собственно, его логика.

С одной стороны – желание доминировать, с другой – желание зарабатывать.

Полтерович В.М.: Извините, я продолжу вопрос.

Величие Америки ведь основывалось на том, что отношение к Америке было позитивным у большинства стран.

Опросы показывали, что в большинстве западных стран отношение к Америке, действительно, позитивное.

Если сейчас смотреть на эти данные, видно, что оно резко ухудшается.

И может ли реализоваться лозунг «Америка выше всего», так сказать, «великая Америка», если со стороны других стран отношение к Америке негативное?

Миловидов В.Д.: Я Вам приведу примеры немного из другой области – из области российской экономики.

Сегодня российскую экономику, Россию в Европе проклинаят, унижают и так далее.

Но, по их же собственным подсчетам, затраты на покупку наших энергоресурсов превысили объемы финансирования Украины.

Это как?

Трампу или рядовому американцу наплевать на то, что о нем думают в какой-то стране мира, хорошо ли к нему относятся, плохо ли к нему относятся...

К ним везут товары, с ними торгуют, понимая, что Америка – это большой рынок, за который они будут бороться.

Вот когда мы поймем, что вторичные санкции перестают работать, что все на это плюнули и решили, что,

несмотря на все санкции, будут торговать, допустим, с Россией, тогда это будет для них серьезно.

Пока что это не просматривается.

Пока в угоду соблюдению вторичных санкций многие страны, в том числе взаимодействуя с нами, вынуждены с этим считаться.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Хотел бы добавить, что в американский альтруизм ни в какой из периодов, как и в альтруизм какой-то другой страны, я тоже не верю.

Даже когда Америка вкладывалась в Западную Германию и восстанавливала ее, что, конечно, вызывает чувство благодарности и доверия, на самом деле в этом был сильный расчет. Причем долгосрочный расчет – это стоицей окупается.

Другое дело, что выбор политики может быть направлен на разные цели.

Либо я вкладываюсь, делаю это в позитивном русле и с этого потом начинаю стричь купоны...

Либо я пытаюсь гнобить, унижать и сегодняшний свой интерес ставлю во главу угла. И это менее выгодная, как мне кажется, политика в долгосрочном разрезе.

Мудрость как раз и заключается в том, чтобы, вкладываясь, получать долгосрочные дивиденды, а не в том, чтобы свои сиюминутные амбиции ставить во главу угла и терять множество дивидендов в будущем.

А просто так альтруизм я не представляю ни на уровне государства, ни на человеческом уровне. Никто альтруизмом не страдает, особенно в политике.

У меня есть своя теория эгоизма. Согласно этой теории, мы лукавим, даже когда утверждаем, что вкладываемся в своих детей ради них... Ничего подобного!

Мы вкладываемся в детей из эгоизма!

Мы рассчитываем, что потом это окупится сторицей. Не всегда эти ожидания оправдываются. Иногда оказывается, что дети такие наши вложения воспринимают без должной благодарности.

Но, в принципе, нами движет мотив долгосрочных интересов с целью в будущем в хорошем смысле получить «дивиденды».

Не буду сильно отвлекать вас, но на политическом уровне точно работает только эта философия, а никак не желание осчастливить какие-то народы и нации.

Миловидов В.Д.: Яркая картина.

Сейчас просто опубликованы многие исторические документы по поводу плана Маршалла.

И тогдашний госсекретарь США Дин Ачесон писал, что предоставление помощи в рамках плана Маршалла – это вопрос политэкономический.

«Что мы получим взамен того, что мы туда вложим?» – это было написано черным по белому в его переписке с президентом и другими высокопоставленными лицами.

Тосунян Г.А.: Получили, получили. Вдвойне и втройне...

Коллеги, не возражаете, если мы заслушаем четвертый доклад?

Кстати, такое ощущение, как будто мы проводим собрание Академии наук, потому что все докладчики – члены Академии и дополнительно выступающие – тоже члены Академии.

Саватюгин А.Л.: Вопросы задают академики.

Тосунян Г.А.: Да, такой академический междусобойчик.

Представляю вам четвертого докладчика – Владимира Георгиевича Барановского, доктора исторических наук, профессора, академика РАН, академика Академии военных наук. Хотя после Российской академии наук уже другие академии можно и не перечислять.

Владимир Георгиевич – научный руководитель Центра ситуационного анализа в Институте мировой экономики и международных отношений имени Примакова РАН.

Прошу Вас, Владимир Георгиевич.

ДОКЛАД 4

БАРАНОВСКИЙ В.Г.

акад. РАН, акад. Академии военных наук, д. и. н., руководитель научного направления «Центр ситуационного анализа» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

ТРАМП И НАТО

Наше обсуждение в основном сфокусировано на Трампе, его администрации, их влиянии на глобализацию.

Должен предупредить, что я не специалист по США и не специалист по Трампу.

Для меня было очень познавательно то, что я услышал от своих коллег, которые знают об этом гораздо больше.

Свою задачу вижу в том, чтобы посмотреть на феномен Трампа (или трампизма) со стороны, сосредоточив внимание на теме «Трамп: последствия для НАТО».

Если более широко – на восприятии внешнеполитического курса Трампа его союзниками, прежде всего в Европе.

Это главный сюжет моего выступления.

В Европе высказываются разные мнения насчет Трампа.

Там есть сторонники трампизма, но их процент, я думаю, значительно меньше, чем в Соединенных Штатах. В целом же отношение к Трампу крайне отрицательное.

Я говорю только об оценке его внешнеполитического курса, но на нее влияют и военно-политические, и экономические сюжеты.

Если все упростить, то я сказал бы так.

Трамп воспринимается как фигура нетривиальная, ломающая стереотипы внешнеполитического мышления и поведения.

Это, впрочем, касается не только внешней политики.

Речь идет вообще о феномене появления в Белом доме человека, который является грубым, малообразованным, необузданным, истеричным, самовлюбленным хамом.

Именно этим во многом определяются содержание и стиль его политики.

В том числе и то, каким образом он строит свои отношения с окружающим миром.

Тосунян Г.А.: Хорошо, что мы его не пригласили...

Барановский В.Г.: Хорошо. Хотя на правду не стоит обижаться.

А ведь в Европе он воспринимается именно таким образом.

Мне кажется, что там это превалирующее восприятие.

В Европе вряд ли знакомы с известной формулой одного нашего политического лидера, которая звучит так: «Других писателей у меня для вас нет».

Но европейцы понимают, что других президентов Соединенных Штатов для них нет, поэтому надо иметь дело с тем, кто есть.

И на этом строить свою политику, свое отношение к Трампу, свое отношение к тому, что он делает в области межсоюзнических отношений.

Касательно этих отношений позволю себе привести еще одну цитату и сослаться на слова Иво Даалдера, известного американского аналитика и дипломата (он был представителем Соединенных Штатов в НАТО).

В недавнем выпуске ведущего американского журнала по тематике международных отношений «Foreign Affairs» приведено его высказывание: «Мы имеем дело с самым глубоким кризисом за всю историю этого альянса».

Почему?

Потому что Трамп поставил под вопрос его главные основы.

Это, во-первых, представление о том, что всех союзников по НАТО объединяет одинаковое понимание общих угроз.

Во-вторых, что этим общим угрозам надо противостоять сообща.

То есть, условно говоря, если воспользоваться термином из другой области, для США и их европейских союзников «безопасность неделима».

Именно этот базовый постулат, по сути дела, перечеркивается.

Что обнаруживается по многим исходящим от Белого дома заявлениям.

Да и по действиям тоже.

В качестве примера можно привести голосование в феврале этого года в Организации Объединенных Наций по одной из очередных резолюций относительно Украины.

США голосуют по этой резолюции так же, как Россия. В то время как все остальные члены Североатлантического альянса занимают диаметрально противоположную позицию.

А в высказываниях наиболее радикальным оказался вице-президент США Джей Ди Вэнс: выступая в Мюнхене 14 февраля текущего года на конференции по безопасности, он заявил, что альянс фактически прекратил свое существование.

Это произвело впечатление разорвавшейся бомбы.

Не в том смысле, что такая оценка была неожиданной, но по ее жесткости и резкой тональности, в противовес вообще всем представлениям о том, чем должно являться НАТО и что такое альянс.

Так что речь идет, действительно, о глубоком кризисе.

Но здесь я, правда, сделал бы одно уточнение.

Может быть, это действительно самый глубокий кризис, но далеко не первый.

Проблемы межсоюзнических отношений обнаруживаются на протяжении всей истории альянса, с момента его возникновения.

И они обусловлены самой спецификой НАТО как многосторонней структуры.

Очевидно, что все страны разные, и их специфические интересы, специфические озабоченности, специфические цели далеко не всегда совпадают.

Иногда это касается чрезвычайно чувствительных вопросов, особенно когда речь идет о военной безопасности.

Об этом свидетельствует со всей очевидностью все, что мы знаем из истории.

Проблемы коалиционных войн существуют в любых союзах.

Придет ли союзник на помощь?

Захочет ли поставить себя под угрозу опасного удара ради своих союзников?

И если придет, то с использованием каких сил, каких средств, каких собственных возможностей?

Вспомним «Войну и мир»: Толстой описал непростые взаимоотношения с австрийцами, которые были нашими союзниками против Наполеона.

Такого рода проблемы возникали не только два с лишним столетия назад, но и во время Первой и Второй мировых войн.

В межсоюзнических отношениях трех главных держав антигитлеровской коалиции, конечно, превалировала кооперативная составляющая. Но и там были проблемы (вспомним хотя бы обсуждение того, когда и где открывать Второй фронт).

Придет ли союзник вам на помощь, как и когда – это лишь одна сторона вопроса.

Есть и другая: не втянет ли он вас в опасные действия ради своих интересов?

Тех интересов, которые вы отнюдь не разделяете полностью.

В этом – двойной экзистенциальный вызов, с которым сталкивается любой союз.

Возникает он и перед участниками НАТО: и перед Вашингтоном, и перед его союзниками, причем с момента возникновения этого альянса.

А когда две главные державы, противостоящие друг другу в биполярной системе, вышли на уровень взаимного гарантированного уничтожения, эта проблема приобрела особенно острый характер.

То есть у союзников Вашингтона стало еще меньше уверенности, что он придет им на помощь, если это будет чревато гарантированным ядерным возмездием в отношении самих Соединенных Штатов.

Эти сомнения выражались условно-риторическим вопросом: готовы ли будут США поставить под угрозу уничтожения Нью-Йорк или Лос-Анджелес ради Брюсселя, Мюнхена и так далее?

Мое мнение: ответа на этот вопрос нет – точнее, его невозможно протестировать.

Его не дадут никакие рассуждения на эту тему, равно как никакие военно-технические или организационные решения. Их действенность может обнаружиться только в ходе реального ракетно-ядерного обмена.

А это уже за рамками того, что нуждается в анализе.

Что получается?

Под вопросом – концепция расширенного ядерного сдерживания.

Под вопросом – надежность американских ядерных гарантий.

А ведь важнейшим элементом сдерживания противника (Советского Союза, а потом России) является имеющийся у США потенциал ядерного устрашения.

И коль скоро его роль вызывает сомнения, то никакие союзнические обязательства стопроцентной гарантии не дают.

Отсюда возникает вопрос: сработает ли статья 5, которая считается самой главной в Североатлантическом договоре?

Есть формальный ответ: да, сработает.

Раз это записано в договоре, то исходим из того, что соответствующие обязательства будут выполняться.

Но звучит такой ответ как-то не очень убедительно.

Его вроде бы даже неловко обсуждать, выражая сомнения в надежности вашего самого главного партнера по обеспечению безопасности.

Но даже если вчитаться в статью 5, то возникают сомнения в ее действенности.

В ней есть обязательство каждого участника – оказать немедленную помощь.

Но какую и как?

Осуществлением такого действия, которое этот участник сочтет необходимым.

Правда, записано – включая использование вооруженных сил.

Но не записано – *обязательное* использование вооруженных сил.

То есть вы можете оказать помощь с использованием вооруженных сил, если сочтете необходимым. А если не сочтете, то и не будет этого.

Само содержание указанной статьи об этом говорит ясно и недвусмысленно.

История, может быть, даже более красноречива.

Статья 5 была использована (имеются в виду формальные ссылки на нее) только один раз – в связи с террористической атакой на Всемирный торговый центр.

По этой линии была проведена операция в Афганистане.

Это все.

Причем обращаю внимание, что это была не помощь Соединенных Штатов своим союзникам, а наоборот, солидарность союзников с США, которые оказались жертвой нападения со стороны террористов.

Были ли какие-то другие похожие ситуации?

Ситуации были, а результат тоже известен. Вспомните Фолклендскую войну, в которой участвовал один из членов НАТО. Англичанам тогда практически никто из Североатлантического блока не помогал.

Было два исключения.

Американцы предоставляли разведывательную информацию, и французы прекратили поставки Аргентине корабельных ракет «Экзосет».

Но половина членов НАТО сочувствовала Аргентине, хотя Великобритания была их союзником.

Можно пойти еще дальше вглубь истории – Суэцкий кризис 1956 года.

Тогда об альянсе тоже речь не шла, хотя он уже существовал. Был недолгий вооруженный конфликт, который продолжался всего несколько дней. Но все-таки в нем участвовали две страны НАТО – Великобритания и Франция.

А США не только не помогали им, но практически оказались в одном лагере с главным оппонентом альянса – с Советским Союзом.

Причем последний несколько прямолинейно, но очень жестко напомнил Парижу и Лондону об имеющемся у него ядерном оружии.

Есть и другие примеры, другие прецеденты, не буду все упоминать.

То есть вопрос в следующем: на каком основании можно рассчитывать, что США устремятся на помощь Европе, если возникнет конфликтная ситуация?

Сегодня Трамп откровенно провоцирует сомнения на этот счет.

Фактически подрывая действенность статьи 5.

А в контексте конфликта вокруг Украины и вовлеченности в него западных стран эта тема обретает особую актуальность.

Напомню очевидные вещи касательно внешнеполитического дискурса Трампа.

США не хотят лидирующей роли в Европе.

У них есть другие заботы.

Есть Китай, есть Ближний Восток, есть Азиатско-Тихоокеанский регион. Вот там – их главный интерес.

А Европа оказывается на периферии их внешнеполитического внимания.

НАТО – оно о чем? О совместной с союзниками обороне. А от Трампа исходят, по сути дела, территориальные претензии к ним.

В перечне тех территорий, на которые обратил свой взор американский президент, – Канада, Дания, Гренландия и так далее.

Это нечто прямо противоположное духу и букве Североатлантического альянса.

Упомянем и более общий тезис, адресованный союзникам: «Не будьте нахлебниками! Пусть Европа сама отвечает за свою конвенциональную оборону».

Причем на этот счет есть сильные аргументы: «Вы экономически в хорошем состоянии, почему мы за вас

должны платить? Сами раскошеливайтесь и старайтесь сами обеспечивать свою оборону».

Это все работает в противовес действенности американских гарантий.

Какова реакция союзников?

Самая нехитрая стратегия – переждать.

Трампа не вечен, американская история знает разные сценарии того, как президенты уходили со своего поста, не дождавшись окончания срока.

У самого Трампа к тому же семь пятниц на неделе. Просто не надо суетиться, надо подождать. Глядишь, все придет в норму. Это первый аргумент.

Следующий аргумент.

В окружении Трампа есть люди, которые совсем иначе настроены в отношении НАТО.

К примеру, госсекретарь Марко Рубио, исполняющий также обязанности советника по национальной безопасности.

Он считается крупной политической фигурой.

Сегодня он рядом с президентом, но когда-то выступал среди тех, кто достаточно скептически относился к вывертам трамповской политики.

Рубио был одним из коспонсоров той резолюции, которую Конгресс принял в 2023 году и которая запрещает президенту выходить из НАТО без одобрения Конгресса.

Правда, европейским союзникам США приходится учитывать, что однажды стратегия выжидания дала сбой.

Выжидали-выжидали, радовались, когда первый срок закончился, а Трамп вернулся.

И это оказалось неожиданным для тех, кого раздражали его эскапады во внешнеполитической сфере.

Поэтому сегодня недостаточно просто выжидать – нужно что-то предпринимать более серьезное.

На этом треке обсуждаются три-четыре опции.

Необязательно их осуществлять по отдельности или в противовес одна другой.

Можно действовать одновременно и параллельно.

Какие это опции?

В самом общем плане: Европе необходимо обрести самостоятельность, наращивать какой-то потенциал независимости в военно-политической области.

Но одновременно – быть осторожными, чтобы не оттолкнуть Соединенные Штаты.

Эти два императива не должны рассматриваться в отрыве друг от друга.

США – крупная величина, у страны большие перспективы, огромные экономические возможности, грандиозный военный потенциал.

Просто так не отмахнешься!

Поэтому надо с американцами, даже с Трампом, строить какие-то более или менее лояльные отношения.

Есть понимание, что военные возможности США несоизмеримы с военными возможностями европейских участников НАТО. США – это стержень НАТО, их участие имеет ключевое значение по линии инфраструктуры, ПВО, разведки и массы других вещей...

Поэтому, когда европейцы думают о самостоятельности, они одновременно думают о том, как не оттолкнуть США.

Хочу подчеркнуть, что это традиционная линия. Даже Шарль де Голль, при всем своем фрондировании в отношении Соединенных Штатов, выступал за их присутствие в Европе и за укрепление гарантий со стороны США, в том числе военно-политических гарантий.

Как обеспечить вовлечение США – это другой вопрос, у нас нет времени для его обсуждения. Но что важно

подчеркнуть в европейском подходе – совершенно очевидное нежелание ставить крест на НАТО.

Дискуссии, скорее, сфокусированы на ином: как сделать так, чтобы повысить роль европейской компоненты в НАТО?

И это еще одна традиционная линия.

Хочу повторить, что многие поднимаемые в Европе темы вписываются в традиционный дискурс. Он прослеживается на протяжении многих десятилетий.

Новое сейчас – это акцент на необходимости практической реализации тех идей, которые когда-то казались достаточно умозрительными.

Что такое стратегическая автономия для Европы?

Это один из альтернативных подходов, о котором много сейчас говорят.

Его суть: надо развивать структуры, не замкнутые на НАТО и не привязанные к Соединенным Штатам.

Это касается военной компоненты, это касается автономного командования, это касается самостоятельного управления военным потенциалом, это касается логистики, разведки, политической компоненты.

Вот такой длинный перечень.

Еще одна традиционная тема, которая в последнее время стала привлекать все большее внимание европейцев.

Обычно, когда говорят о самостоятельности, автономии и тому подобном, имеют в виду прежде всего конвенциональный потенциал, силы общего назначения.

Но в последнее время мы слышим рассуждения и о ядерной компоненте.

На мой взгляд, здесь есть гораздо больше препятствий, чем возможностей.

Однако любопытно, что разговоры на эту тему сегодня стали приобретать несколько иную тональность.

Традиционно была достаточно простая логика.

У двух европейских держав есть ядерное оружие.

Можно умозрительно размышлять о том, что это тоже элемент сдерживания со стороны Европы.

Но в то же время очевидно: ядерный потенциал европейских стран находится под их абсолютным национальным контролем, и иного быть не может.

Не буду утверждать, что сейчас в этой области что-то меняется.

Но, если она начинает как-то соотноситься с темой стратегической автономии для Европы, это обращает на себя внимание.

Еще одна линия в подходе Трампа к союзникам – заставить их больше платить за свою оборону.

Это то, что происходит, то, с чем, в общем-то, европейцы соглашаются.

Понятно, что это не очень их радует по очевидным причинам.

Раньше было много разговоров о том, что расходы на военные цели должны составлять не менее 2% от ВВП. Но мало кто на этот уровень выходил.

А сегодня уже говорят про 3, 4 и 5% от ВВП.

И это то, что реально происходит.

С переломной даты 2014 года наблюдается значительный рост военных расходов, снимаются бюджетные ограничения на эти цели.

Мои коллеги-экономисты могли бы привести соответствующие цифры.

Они, безусловно, впечатляют.

И еще на один аспект обращаю внимание – на европейскую военно-политическую интеграцию.

Это тоже традиционный сюжет, который в свое время уходил на второй план, а сейчас возникает снова.

Речь идет об объединительных трендах в военном производстве, организации вооруженных сил, их подготовке и так далее.

Здесь есть традиционные ограничители: разные собственные интересы, дорогостоящий процесс формирования общих структур и прочее.

Не очень хочется тратить огромные средства, привыкли к американскому «ядерному зонтику», может быть разное понимание касательно военно-технических характеристик систем оружия, неодинаковы геополитические императивы...

Но есть и успехи – например, опыт разработки еврофайтера «Тайфун».

В конце 1970-х годов началось обсуждение этого проекта по созданию истребителя четвертого поколения.

Оно длилось почти два десятилетия.

Да, долго, но сегодня пять стран его производят, планируют выпустить почти 1500 истребителей.

Это явный успех в области совместного производства.

На это же можно рассчитывать сегодня и в иных сферах военно-политического сотрудничества.

Выводы, которые я делаю, имеют несомненное значение для нашей страны.

Главное – Трамп нанес сильнейший удар по евроатлантической солидарности.

Но это не нокаут.

Союзники оценивают инициативы Трампа очень скептически.

Можно ожидать, что будет сокращение жесткой увязки с США.

Но будет сохраняться заинтересованность союзников в том, чтобы США продолжали присутствовать в Европе в военно-политическом плане и даже становились более активными.

Никаких иллюзий не должно быть и касательно усилий европейцев по укреплению своего военного потенциала.

Расходы европейцев на эти цели будут расти, причем очень ощутимо.

Давайте не будем забывать, что в НАТО идет рутинная проработка возможных сценариев военного конфликта – понятно с кем.

Полтора десятка разных сценариев. Девять относятся к Северной Европе, другие – к разным субрегиональным аспектам европейской ситуации.

Думаю, для нас очень важно адекватно оценивать политическую компоненту самого феномена НАТО.

Есть традиционное представление о том, что НАТО является инструментом в руках Соединенных Штатов.

Но надо видеть, что и европейцы пытаются использовать этот механизм в своих интересах.

Мы сейчас, правда, больше раздражены европейцами, чем американцами.

Но это сегодня.

Не исключено, что завтра может возникнуть необходимость каких-то коррективов.

России важно находить сбалансированный подход.

Я сформулировал бы нашу задачу следующим образом: оценивать динамику взаимоотношений США и их европейских союзников в рамках НАТО надо прежде всего под углом зрения российских интересов.

На этом позвольте закончить.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, я на будущее хочу сказать.

Даже если бы у нас тема была не многополярный мир, где в самом названии Россия стоит на первом месте и только потом – Соединенные Штаты, Евросоюз и Китай, а была бы просто тема «100 дней Трампа»... Все равно российские интересы должны быть главенствующими в нашем обсуждении и анализе.

Мы должны во всех случаях понимать: что бы мы ни обсуждали, что бы мы ни анализировали, чувство эгоизма и приоритета собственных интересов должно быть в этом смысле на первом месте.

Барановский В.Г.: Отвечу кратко.

Конечно, упрек совершенно правомерный.

Я могу сказать следующее: нам нужно формулировать свои интересы. А для этого необходимо смотреть, анализировать и понимать, что происходит вокруг.

Тосунян Г.А.: Я согласен, абсолютно.

Нет, в данном случае никакого упрека нет. И в этом плане если Вам нужно дополнительное время, пожалуйста.

Барановский В.Г.: Я уже не имею права.

Тосунян Г.А.: Коллеги, вопросы, пожалуйста.

к. и. н. АЗИМОВ А.С. – акад. БАРАНОВСКИЙ В.Г.

Азимов А.С.: Хочу поблагодарить Владимира Георгиевича за очень интересный анализ.

Мы с ним однокурсники, вместе окончили МГИМО в 1973 году, знаем друг друга больше 50 лет.

Действительно, интересные рассуждения.

В связи с тем, что Вы сказали о позиции России, у меня такой вопрос.

Применительно к украинскому сюжету складывается впечатление, что имеет место если не кризис, то серьезные разногласия в подходах США, стран Евросоюза и НАТО к украинским событиям.

Но вместе с тем не складывается ли у Вас такое ощущение, что все-таки здесь имеет место какое-то предварительное распределение ролей и заранее оговоренный сценарий «плохого и хорошего полицейского»?

Сначала была задача спровоцировать и втянуть Россию в этот конфликт, а следующая – вовлечь Россию в переговорный процесс.

И мне кажется, что и у Штатов, и у Трампа, и у стран-членов НАТО, и у Евросоюза в конечном счете одна цель.

Они хотят сделать переговорный процесс провальным, а Россию – крайней.

И здесь сомкнутся интересы США и стран НАТО в плане оказания массированного давления на Россию.

Спасибо.

Барановский В.Г.: Вы привели очень интересное рассуждение.

Оно правомерно, в нем есть своя логика.

Но в этой логике есть и уязвимые моменты.

Если говорить кратко, я не стал бы сейчас пускаться в рассуждения о том, был предварительный сговор европейцев с американцами или его не было.

Может быть, в сегодняшней ситуации просматривается эффект «плохого и хорошего полицейского».

Но, если мы говорим о наших интересах, нам нужно еще определить, в чем они состоят.

Стратегически они сформулированы нашим политическим руководством.

Но касательно этих переговоров на тактическом горизонте...

Мы хотим, чтобы они побыстрее начались и дали результат?

Или нам нужно стремиться к тому, чтобы изменилась ситуация на поле боя, и тогда мы сможем иметь лучшие позиции для этих переговоров?

Мне, например, эта точка зрения симпатична.

Здесь масса сложных и противоречивых обстоятельств.

Я говорил о том, как воспринимают Трампа в Европе.

На мой взгляд, если рассуждать цинично, для нас в каком-то смысле удача, что во главе страны, которую мы традиционно считали нашим главным геополитическим противником или противовесом, оказался человек такого рода, как Трамп.

Поверхностный, непоследовательный, закомплексованный, хамоватый, примитивный в своих представлениях о том, как выстраивать международную политику страны – это все ослабляет его внешнеполитические возможности.

Кто-то типа Киссинджера был бы более трудным партнером, но и более надежным.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Профессор Колосова Нина Михайловна из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Прошу Вас.

КОЛОСОВА Н.М.

д. ю. н., главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

Колосова Н.М.: Доброе утро всем!

Спасибо за очень интересные доклады.

У меня вопрос – скорее, даже пояснение – по статье 5 договора об организации НАТО 1949 года.

Я не являюсь специалистом по международному праву, но часто слышу, что наблюдается кризис международного права.

Причем это происходит достаточно давно.

Если обратиться к практике Европейского суда по правам человека, деятельностью которого я всегда интересовалась, то можно обнаружить примеры неисполнения его решений.

В случае несогласия конкретного государства с решением Европейского суда оно не исполнялось со ссылкой на приоритет конституционных норм и суверенитет государства.

Германия и другие страны начали игнорировать обязанность исполнять решения международного органа. Российская Федерация, как правило, исполняла решения Европейского суда по правам человека, за очень редким исключением.

И у меня возник первый вопрос.

Если считать основным признаком кризиса международного права неисполнение его субъектами действующих современных международно-правовых норм и принципов, то почему нельзя исключить ситуацию неисполнения в том числе и нормы 5?

Можно ли допустить ситуацию дифференцированного подхода к применению указанной нормы?

Второй вопрос – по мониторингу международного права.

Мы сейчас видим, что неисполнение норм международного права приобретает системный характер.

Есть ли какое-то исследование по количеству нарушений международных норм?

Что-то исполняется, что-то не исполняется... Может быть, 50 норм исполняются, а 50 – нет? Или же здесь другое процентное соотношение?

Я имею в виду статистику хотя бы основных принципов международного права, первые семь из которых были закреплены в Уставе ООН, а другие принципы позднее нашли отражение в иных документах.

Если Вы этим не занимались, то можете не отвечать.

Возвращаясь к вопросу о статье 5, можно ли признать ее исключительно политический, а не правовой характер?

Может быть, в этом и заключается природа дипломатии как инструмента защиты национальных интересов?

Тосунян Г.А.: Спасибо.
Вопрос понятен?

Барановский В.Г.: Вопрос понятен. Он открывает огромную тему.

Я не специалист по международному праву, поэтому даже не хочу начинать на эту тему рассуждать, хотя рассуждать есть о чем.

Специалист по международному праву смог бы привести массу аргументов по поводу состояния международного права.

Есть кризис, или нет кризиса...

На мой взгляд, кризиса нет, а есть постоянно меняющаяся ситуация, когда происходит уточнение, балансировка, корректировка норм международного права.

Процесс естественный, небыстрый, насыщенный противоречиями и являющийся важным компонентом развития международных отношений.

По поводу статьи 5.

Она не относится к деятельности Международного суда ООН, Международного уголовного суда, Европейского суда по правам человека.

Никакие международно-правовые инстанции или многосторонние институты неправомерно высказывать свое суждение по поводу того, правильно или неправильно используется статья 5.

Ее трактовка – прерогатива участников Североатлантического договора (да и то не в правовой, а в политической плоскости).

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Михаил Вениаминович Угрюмов, пожалуйста.

акад. УГРЮМОВ М.В. – акад. БАРАНОВСКИЙ В.Г.

Угрюмов М.В.: Спасибо большое.

Хотел бы по совету Гарегина Ашотовича вернуться к нашим российским «баранам».

Я не военный, не политолог.

Правильно ли я понимаю, что одной из основных задач, может быть, самой важной, которую ставили, начиная СВО, было предотвращение инвазии НАТО на Украину и таким образом приближения границ НАТО к границам России?

Если Вы говорите «да», я продолжу свой вопрос.

Если говорите «нет», я его снимаю.

Барановский В.Г.: «Да» говорю не я, а люди гораздо более высокого уровня.

Это было сформулировано политическим руководством.

Угрюмов М.В.: Это просто вопрос на основе того, что я услышал на семинаре.

Не считаете ли Вы, что эта задача не только не была решена, но она была очень негативно усилена?

Почему?

Вы сами сказали, что в ответ на это, скорее всего, Украина никогда не будет принята в НАТО.

Но вооружилась Европа, она создает собственные вооруженные силы.

Резко увеличился ее вклад в НАТО, сейчас идет значительное финансирование и развитие ВПК в самой Европе.

Вы не упомянули об этом, но, наверное, это не последняя демонстрация такой политики.

Не случайно страны, граничащие с нами, иногда сотни лет поддерживавшие нейтралитет, вступили в НАТО.

Я имею в виду Швецию и Финляндию.

Вам не кажется, что та задача, которую мы должны решать, решается, мягко говоря, парадоксально?

Спасибо.

Барановский В.Г.: А можно краткий ответ?

Тосунян Г.А.: Можно даже не отвечать.

Барановский В.Г.: Ну, собственно, краткий ответ. Кажется. Точка.

Тосунян Г.А.: Понятно.

Пожалуйста, Лев Московкин. Краткий вопрос – краткий ответ.

МОСКОВКИН Л.И. – акад. БАРАНОВСКИЙ В.Г.

Московкин Л.И.: Спасибо большое.

Не услышал в докладе ответа на банальный вопрос.

Где они нашли угрозу, и кто будет воевать?

Брюссельская бюрократия?

Воевать-то никто не хочет на самом деле.

Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Слава Богу, что никто не хочет.

Барановский В.Г.: Они – это про кого?

Московкин Л.И.: Про Европу.

Ключевой вопрос современности – расхождение позиций лидеров с массовым сознанием населения.

Население не хочет воевать, а лидеры без этого не могут.

Это много раз объяснялось.

Кто будет воевать?

Эммануэль Макрон с Киром Стармером или Урсула фон Дер Ляйен с Каей Каллас, которые терпеть друг друга не могут?

Воевать должен кто-то другой.

Барановский В.Г.: Не хочется отвечать легковесно на этот вопрос. Вопрос серьезный.

Это большая тема.

Она связана с общественными настроениями, с ролью пропаганды, с официальным курсом разных стран.

Курс не одинаковый, возникают самого разного рода противоречия.

Некоторые из них я упоминал.

Надежность американских ядерных гарантий – это тоже из данной области.

Тосунян Г.А.: Коллеги, у нас ряд коллег записались заранее. Поэтому разрешите, я пойду по этому списку.

Академик Иванова Наталья Ивановна, пожалуйста, Вам слово.

ИВАНОВА Н.И.

акад. РАН

Я заявлялась на тему многополярности или полицентричности в плане позиции Китая в современном мире и его технологического соперничества с Соединенными Штатами.

Эта тема очень важная.

Я китаистом не являюсь, и для меня здесь важно то, что современная экономическая экспансия Китая фактически рождает такой тренд.

Многие зарубежные специалисты, в том числе из стран БРИКС, называют это гиперглобализацией.

Потому что Китай ведет очень активную экономическую экспансию по всему миру.

Причем это не только торгово-экономическая экспансия. Это экспансия навязывания своих финансовых инструментов, своих стандартов, своего отношения к иностранным инвестициям.

И это создает определенный перекося в мировой экономике.

Какие способы глобализации осуществляет Китай?

Здесь я упомяну только один пример, чтобы было понятно.

Это способ доминирования, например, на нашем автомобильном рынке.

Мы знаем, как Китай пришел на наш автомобильный рынок.

И способ этой экспансии принципиально отличается от тех, которые до этого использовались другими компаниями.

То есть с уважением к национальному производителю, с осуществлением больших, серьезных капиталовложений, с локализацией производства и так далее.

Сегодня об этом уже говорилось.

Вопрос заключается в том, что Китай в определенном смысле игнорирует нормы ВТО, которые обязан соблюдать, вступив в эту организацию.

Китай вступал в нее как развивающаяся страна, которая имеет большие права по защите своего рынка, в том числе в плане установления тарифов, по сравнению с развитыми странами.

И, соответственно, более высокие права по использованию экономических инструментов для укрепления своей экономической силы в процессах глобализации.

Китай фактически по уровню развития ряда отраслей промышленности, по многим макроэкономическим показателям уже перешел принятый им статус развивающейся страны.

Но Китай выступает против изменения этой нормы ВТО, считая, что данная организация в целом правильно регулирует глобальную торговлю.

Однако КНР поддерживает движение стран Глобального Юга за пересмотр некоторых правил действия ВТО в интересах развивающихся государств.

Фактически сейчас наступила ситуация полной стагнации ВТО.

И дальнейшего нормального движения, развития механизмов, в том числе правовых механизмов по урегулированию тех огромных дисбалансов, которые сложились в мировой экономике, пока не существует.

В двух словах, в чем заключается гиперглобализация Китая?

Китай является торговым партнером номер один, то есть главным торговым партнером, примерно для 150 стран мира.

При всей гегемонии, которую приписывают США, такого в мировой экономике никогда не было.

При этом 120 стран мира имеют отрицательный торговый баланс с Китаем, у них торговый дефицит составляет от 3% до 5%.

Это серьезный перекос.

Располагая существенными финансовыми ресурсами, в том числе государственными, часто за счет увеличения государственного долга, Китай осуществляет экспансию своих товаров и технологий.

Надо сказать, что в 2025 году закончилась программа «Made in China 2025», которая была начата в 2015 году.

В ходе ее реализации Китай продемонстрировал довольно успешный вариант промышленной политики, что редко удается развивающимся странам, а часто не удается многим развитым странам.

Американские программы реиндустриализации, которые неоднократно заявлялись, были не единожды провалены.

Более того, отношение экономической теории, лежащей в основе государственного регулирования, к проблеме промышленной политики, скорее, отрицательное.

Китай показал, что он может проводить успешную промышленную политику догоняющего развития.

И это очень важное обстоятельство.

Догоняющее развитие – это когда страна использует зарубежные образцы (технологические, структурные, институциональные) путем копирования своими силами и при помощи иностранных инвестиций.

Проблема заключается в том, что Китай, добившись существенных успехов в развитии собственного

производства, конечно, чрезмерно субсидирует свои отрасли, своих экспортеров, фактически создавая проблемы поддержания конкурентоспособности для других стран, которые тоже пытаются заниматься догоняющим развитием.

Экономисты указывают на серьезные перекосы даже для таких крупных стран, как Бразилия, страны Юго-Восточной Азии, Мексика.

В мировой экономике, как пишут специалисты, появилась и действует большая страна, можно сказать, торговый супергегемон, который отрицает свою гегемонистскую роль.

С этим трудно не согласиться.

И мы не должны забывать о том, что вся эта политика ведется под руководством Коммунистической партии Китая.

Коммунистическая партия Китая никогда не отказывалась от стремления к мировой победе коммунистической идеи, какими бы лозунгами это ни сопровождалось.

Например, в последние годы это формулируется как «идея справедливой судьбы всего человечества».

О движении по этому пути очень жестко заявляет Си Цзиньпин.

И это звучит фактически как отказ от модели встраивания в современный миропорядок и перевода его на совершенно новые рельсы других принципов глобального управления, в которых – явно или скрыто – идея преобладания национальных интересов Китая будет основной.

И последнее, что я хотела сказать.

Да, Китай демонстрирует большие успехи в технологическом развитии, в том числе путем реализации этой программы. Но он пока делает все, что можно сделать на путях догоняющего развития.

Дальнейшие перспективы технологического развития, которые могут быть самостоятельно реализованы под руководством Коммунистической партии, вызывают большие сомнения.

А они уже определены на следующие 10 лет, эта программа объявлена.

Однако ее реализация без участия прямого иностранного инвестирования, которое сократилось в Китае, стоит под большим вопросом.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Наталья Ивановна.

Правда, иногда догоняющее развитие может быть таким обширным и масштабным, что уже тот, кого догоняют, может испугаться и сойти с трассы.

Коллеги, продолжим.

Академик Аганбегян Абел Гезевич, прошу Вас.

АГАНБЕГЯН А.Г.

акад. РАН, д. э. н.

Прежде всего хочу поздравить коллег, которые были выбраны в академики и членкоры на последних выборах.

У меня, собственно, два соображения.

Первое. Здесь подробно рассматривалось противостояние США и Китая.

Действительно, это сейчас главная тема.

Но если смотреть на перспективу, а про это никто не сказал сегодня, то к ним будет присоединяться Индия.

Сейчас и Европа, и США делают ставку на преимущественное развитие Индии.

Индия развивается и, по прогнозам, достигнет среднегодовых темпов около 7%.

В то время как Китай в последние годы – 5%, а по прогнозам, может снизить темпы до 4%.

Индия – необычная страна, она больше всех в мире экспортирует услуги Интернета и математические программы.

Последние цифры, которые я нашел по экспорту этих услуг, – немного меньше 195 млрд долларов в год.

Это близко к объемам экспорта нефти из России – нашего главного товара.

Сейчас США, европейские страны и Япония делают первые шаги, размещая в Индии свои высокотехнологичные производства, ориентируясь на дешевую рабочую силу в Индии – в разы ниже, чем в Китае.

К тому же они видят угрозу со стороны огромного экспорта из Китая относительно дешевых товаров, которые затрудняют сбыт их собственных товаров, подчас менее конкурентоспособных.

При этом экспорт Китая вытесняет их товары не только в самих этих странах, но во многих других странах мира.

Как известно, Китай занимает первое место в мире по внешней торговле, существенно превышая показатели развитых стран.

США и европейские страны начали размещать в Индии крупную промышленность полупроводников, вкладывая значительные инвестиции, в то время как из Китая начался отток капитала. И этот тренд, по-видимому, будет долгосрочным.

Многие эксперты считают, что пальма первенства в экономическом росте в мире от Китая перешла и надолго сохранится за Индией.

Легко подсчитать, что через 30-40 лет Индия по объему ВВП может превысить Китай, оставив США и Европу далеко позади.

При этом направляемый США и Европой индийский экспорт не будет столь негативно влиять на развитие экономики развитых стран, как это делает Китай, мало считающийся с интересами других стран и всегда на первое место выдвигающий свои интересы.

Второе замечание касается соотношения США и других стран.

Политика США и все, что они делают, основывается, естественно, на экономической мощи Соединенных Штатов Америки.

И эта экономическая мощь сегодня не может измеряться только валовым внутренним продуктом.

ВВП США сейчас достиг 30 трлн долларов и примерно на 15% уступает Китаю по паритету покупательной способности.

Но по номиналу с учетом валютного курса Китай пока существенно ниже США, при этом разница между паритетом покупательной способности и валютным курсом у Китая 1,6, в то время как с Индией вдвое выше.

Однако экономическая мощь страны во многом определяется не общими цифрами производства, а качеством производимой продукции.

Ведь, например, производство в России и в других развивающихся странах – это во многом низкотехнологичные товары.

В то же время прирост производства в США и в развитых странах – это в первую очередь высокотехнологичные товары и услуги.

Доля экономики знаний – главной составной части человеческого капитала – составляет в Европе 30% ВВП, в США – даже 40% ВВП. В то же время доля промышленности США в создании ВВП – 18%, в Европе – 25%, то есть существенно ниже, чем доля экономики знаний.

Так что экономика знаний – главный источник социально-экономического роста в постиндустриальных развитых странах, а в России, Китае и развивающихся странах, являющихся индустриальными державами, именно промышленность и инвестиции в основной капитал – главный двигатель экономики.

При этом доля США в производстве высокотехнологичных товаров и услуг в мире – 25%, а в мировом экспорте – даже 39%.

Фирмы-единороги наиболее важны при инновациях. Китай отстает в 2–2,5 раза как по их числу, так и по их капиталу. Если взять объем венчурного капитала, на котором базируются инновации, то в США это 300 млрд долларов, в Китае – 130 млрд долл.

Число коммерческих частных инновационных компаний, которых в мире 2500, с объемом НИОКР около 35 млн евро (поскольку это европейские исследования), в США в 2 раза больше, чем в Китае.

То есть с точки зрения инноваций разрыв огромный.

А именно они во многом определяют развитие страны.

Напомню, что в Китае из-за низкой рождаемости население сокращается и пока Китаю не удастся переломить эту тенденцию.

А в США и Индии идет заметный прирост населения.

Так что закономерна ведущая роль США в мире.

Из крупных развитых стран США развиваются наибольшими темпами.

А Европа и Япония намного отстают.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Сейчас я попрошу выступить Светлану Георгиевну Кирдину-Чэндлер, доктора социологических наук, заведующую Центром институционально-эволюционной экономики Института экономики РАН.

КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР С.Г.

д. социол. н., заведующая Центром институционально-эволюционной экономики Института экономики РАН

Спасибо большое, очень интересная дискуссия.
Хотела бы обратить внимание на несколько моментов.

Во-первых, по поводу глобализации.

С одной стороны, глобализация, конечно, не прекращается, она развивается.

Если иметь в виду глобализацию как интернационализацию мирового хозяйства, все продолжается, пределов нет.

Но мы знаем, что в последние годы глобализация понимается как некий направляемый процесс.

Глобализация, направляемая гегемоном.

И этот процесс как раз заканчивается, на что обращают внимание многие эксперты, прежде всего в Соединенных Штатах, которые эти процессы видят изнутри.

Это такое техническое замечание.

Второе замечание относится к названию сегодняшнего заседания, потому что в названии речь идет о том, как новая администрация США влияет на становление многополярного мира с новыми полюсами.

На мой взгляд, правильнее было бы говорить о том, как становление нового мирового порядка, в котором происходит реконфигурация полюсов силы, влияет на политику администрации США.

Абсолютно поддерживаю нашего лидера.

Есть известное выражение: «Короля играет свита» (или «Свита делает короля»), то есть играет ключевую роль в его образе даже в формировании его влияния.

Сколько нам можно выступать в роли такого рода «свиты» для лидеров США?

То, что происходит в США, величайшей стране мира, согласна с Абелом Гезевичем, в значительной степени это следствие не только и не столько особенностей личности Трампа, сколько изменившейся ситуации в мире, при которой Трампу нужно в этом мире выживать.

Мое основное сообщение касается того, какой новый миропорядок выстраивается.

На мой взгляд, речь идет о том, что выстраивается не многополярный мир.

Многополярный мир – конструкция неустойчивая.

В свое время Киссинджер писал, что это может быть некая переходная фаза.

Думаю, мы переходим от однополярного мира к биполярному, двухполюсному миру.

И первый полюс – это, очевидно, западные страны во главе с США, которые образуют разного рода коалиции и идут тесно, мощным строем, несмотря на внешние разногласия.

Второй полюс, к которому относятся и Россия, и Китай, и Индия – многие, так скажем, не западные страны, – долгие годы был несколько рыхлым и неорганизованным.

Но в последние годы благодаря ШОС, БРИКС, СНГ, ЕврАзЭС второй полюс институционализируется как единая сила.

И с этой точки зрения общение, которое происходит между Трампом и Путиным, – это не столько общение лидеров двух держав, это диалоги лидеров, которые представляют два симметричных мощных блока.

И им нужно решать проблемы с учетом того, что происходит в одной части мира и в другой.

У нас есть исследования, которые показывают, насколько этот второй блок усиливается не только в институциональном плане, но также с точки зрения внутренних торговых, инвестиционных и других связей.

Мне кажется, что это очень важно принимать во внимание.

Многолетние ряды данных подтверждают, что экономический подъем стран второго, незападного блока – это мощный тренд. Он показывает, что страны, которые ориентированы не на чисто рыночный либеральный порядок, не только на конкуренцию, о которой мы все говорим, но на кооперацию и взаимную поддержку со значимой ролью государства, все более доминируют на мировой арене. Эти страны заявляют о себе, демонстрируют успехи, и это привлекает к ним другие страны.

По поводу Китая.

Наталья Ивановна говорила, что там догоняющее развитие исчерпало себя.

Мы смотрели статистику австралийского Института новых технологий, который оценивает технологическое лидерство каждой страны.

Они выбрали порядка 80 направлений и определили лидера в каждом из них. В большинстве новых направлений они обозначили лидером Китай.

Спасибо, у меня все.

Тосунян Г.А.: Спасибо большое, Светлана Георгиевна.

Слово предоставляется члену Академии наук Михаилу Федоровичу Чернышу, руководителю Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Пожалуйста.

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр. РАН, д. социол. н., профессор, научный руководитель
Федерального исследовательского социологического центра РАН

Уважаемые коллеги, я присоединяюсь к тем поздравлениям, которые здесь уже прозвучали в адрес всех, кто был избран членом Академии наук.

И поздравляю докладчиков, которые, мне кажется, полно проинформировали нас о том, что происходит сейчас в сфере отношений США с другими странами или в международной сфере.

Хотелось бы дать свой комментарий по одному локальному вопросу.

Валерий Николаевич, когда выступал, говорил о том, что в США чередуются консерваторы и либералы.

На мой взгляд, все-таки было бы неверно объединять всех консерваторов в одно сообщество, в одну группу.

В США существуют консерваторы разных оттенков, разных мастей.

И тех людей, которых он упоминал, принято относить к группе неоконсерваторов.

Неоконсерваторы – это группа американских публицистов, философов, социологов, политиков, которые собрались вокруг журнала «Комментари» в конце 70-х годов под руководством Нормана Подгореца, Ирвинга Кристола, которого упомянул Валерий Николаевич, и социолога Натана Глэйзера.

Эта политическая фракция не слишком популярна среди американских консерваторов как таковых, потому что для нее свойственны крайние формы интервенционизма.

Идеология «неоконов», так их принято именовать, предполагает агрессивное вмешательство в дела других государств, активную подрывную деятельность по

отношению к тем режимам, которые, как они полагают, действуют вразрез с интересами США.

Если вы хотите договориться с неоконами, то у вас ничего не получится.

Они на тропе войны и замиряться с теми, кого считают врагами Америки, не намерены.

Чтобы понять происхождение этой идеологии, достаточно взглянуть в биографии тех, кто стоял у истоков этого течения.

Большая часть этих людей – повзрослевшие и постаревшие троцкисты.

В молодости они находились на крайне левых позициях, а сейчас исповедуют идеи воинствующего империализма.

И они, что называется, *out for a kill*².

Это заклятые, убежденные враги России, ненавидящие все исходящее из России.

Именно в этом пестром сообществе циркулируют идеи о разделении России.

В одной из статей в журнале «Атлантик» журналист Том Николс, неокон по убеждениям, так сформулировал свое отношение к текущей ситуации: «We let them off the hook in the nineties. We shall never make this mistake again» (Мы разрешили им слезть с крючка в девяностые годы, но все, больше такой ошибки мы не сделаем).

Россия, по их убеждению, должна быть разделена, унижена и уничтожена.

Как они собираются это делать, непонятно, но такие идеи бродят в головах этих людей.

Кстати, именно к неоконам относятся, к примеру, Виктория Нуланд или Энн Эпплбаум, демонстрирующая последовательное неприятие всего российского.

² Выйти на охоту (англ.).

Или, например, жена министра иностранных дел Польши Сикорского.

Однако не все консерваторы таковы.

Традиционно американские консерваторы тяготеют к изоляционизму, полагая, что США не следует вмешиваться в дела других стран.

К этой группе с известными оговорками принадлежат Дональд Трамп и Джей Ди Вэнс, вице-президент Соединенных Штатов Америки.

Это что-то вроде национального эгоизма: мы – град на холме и не обязаны никого воспитывать, вести за руку тех, кто этого не желает.

Внутри сообщества консерваторов есть серьезные различия, и надо понимать, с кем мы имеем дело в Соединенных Штатах Америки.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Михаил Федорович.

Слово Алексею Сергеевичу Харланову, доктору экономических наук, профессору кафедры международного бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ. У выступления Алексея Сергеевича есть название: «Аудит трамповских решений: кто и когда перевернет шахматную доску?»

ХАРЛАНОВ А.С.

д. э. н., проф., профессор кафедры международного бизнеса
факультета международных экономических отношений
Финансового университета при Правительстве РФ

Добрый день, дорогие коллеги, дорогой Гарегин Ашотович!

Добрый день, наша самая настоящая научная элита, которую мы пытаемся поддерживать на всех уровнях, зная, что это единственная экосистема, которая сегодня не дает сбоя и действительно формирует идеологию России.

Мы с моими коллегами находимся в Питере, у нас тут чайки, Нева и тяга к науке.

Теперь по существу.

Америка сегодня является той площадкой, которая не только перестраивает мировой порядок, но и создает свои правила игры.

Как справедливо было сказано сегодня, две сверхдержавы определяют дальнейшее развитие.

Мы пока не то что не дотягиваем, мы даже не формируем национальную идеологию.

Мы не можем высказать свои приоритеты окончательно ни на внешних контурах, ни во внутренней политике. Существует 15 карт приоритетов развития.

Все упирается в различные существующие вызовы.

А вызовы сегодня таковы.

У нас четвертое поколение подряд молодежь не может себя найти, не имея ни ключевых установок патриотической идеологии, ни механизмов ее имплементации в духовные скрепы и успешного трудоустройства на просторах Родины.

Вследствие этого мы и наблюдаем исход кадров, все более умных и грамотных людей, утечку мозгов, в том числе в страны «коллективного Запада».

И такими действиями мы способствуем усилению позиции Трампа.

Трамп – не только бизнесмен.

Он пришел посмотреть на нашу лояльность, возможность участия в его различных раскладах как политика и человека.

Как шоумен, он пытается найти с американским народом какие-то новые точки соприкосновения, несмотря на существующую историю отношений, различные возможные варианты негативных событий, хеджирующие предыдущие риски его карьеры и судьбы.

Он пытается стать тем ключевым игроком, который дал бы миру расклад новых решений, не как неоконовской³ версии неокOLONиализма, но как панацеи под американским флагом от всех невзгод современного мироуклада.

Я поддерживаю уважаемого первого докладчика, который совершенно грамотно сказал, что в Америке все хорошо и крайне глупо ожидать другого.

Например, наши переговоры по Украине – это отдельная песня.

Удивительно, что Украина, потерявшая еще при Януковиче свою субъектность, посылает нам украинских переговорщиков.

Надо разговаривать только с Трампом, с его администрацией, англосаксами, Моссадом, с кем угодно, но не с просроченным в плане легитимности Зеленским.

Это несерьезно.

³ Неоконь (анг.) – new colonial policy.

И чем больше мы будем играть в турецкий и саудовский форматы в данной истории, тем больше мы будем укреплять Трампа и его популярность, лишая самих себя маневра в достижении нужного для нас варианта мирного соглашения.

Сегодня необходимо полностью понять Китай, который выжидает, когда мы сможем либо от него оттолкнуться за те ошибки, которые были допущены за последние три года во время СВО, либо поменять определенный формат, сделав его более жестким, более прагматичным.

К сожалению, таких ошибок наше чиновничество допускает с каждым днем все больше и больше.

Это не то что нас не извиняет...

Но это не умаляет и желания самого Китая заработать на нас...

При этом главное, что сложившаяся ситуация Трампа, похоже, радует.

Он знает все эти нюансы того, как проводить аудит, но не для того, чтобы «перевернуть доску», а чтобы использовать максимально, даже через тарифную политику, возможности заявить о себе как о человеке, который зажжет заново идеи демократии во всем цивилизованном мире.

Наша задача сегодня – выступить совместно и единым фронтом в единстве с национальной патриотической идеологией, показать Трампу, что та передышка, которую он совершенно случайно, а на самом деле, скорее всего, системно дает миру через различные торговые валютные войны, является для нас успешной возможностью не только реализации нашей мирной инициативы на Украине, но и нормализации самих отношений с «коллективным Западом».

Надо просто понимать, до какого момента мы будем проводить СВО, какой Запад мы хотим получить и какие диалоги на санкционной спирали мы хотим видеть.

Нужно решать вопросы и с качеством самих элит, находящихся под криминальным прессом, и с институтами глобального управления.

Пока об этом много разговоров, популизма, но конкретных шагов мало.

Молодежь ждет конкретики, потому что Питер не только город трех революций, но и город, освежающий мозги прохладой, подсказывающий удачные и мирные аналогии, нестандартные решения.

Он дает возможность взглянуть на ожидание от нашего мудрого президента тех свершений, которые мы давно уже все заслужили.

И последнее.

Трамپ действительно может «перевернуть доску», когда он поймет, что ситуация выходит из-под контроля.

Хотя сегодня в США она пока еще слишком управляема.

И если он действительно считает себя богоизбранным лидером, о чем он многократно заявлял, то у него, безусловно, есть решения не очень прямые, но для нас, вероятнее всего, достаточно приемлемые, ибо они расколют Америку до конца, ввергнув ее в новую перестройку, как это было в России в конце 1980-х годов.

В этом направлении он изначально будет системно двигаться. И то «вашингтонское болото», образовавшееся еще до Трампа, с которым он борется, включая и два его собственных финансовых краха, будет и дальше побуждать его к выполнению тех задач по разным направлениям, которые всему миру пока не под силу.

Сможет ли Трамп как шоумен, политик и потенциальный коммерсант реализовать свои возможности?

Здесь вопрос его команды, вопрос его мужества и здоровья.

Вопрос его удачи и, действительно, той «богоносности», о которой он заявляет, сам в это веруя.

Наша задача – использовать передышку перед возможным «переворачиванием доски», когда все правила игры будут изменены.

И тогда не два мира, а наличие различных геополитических совокупностей и альтернатив приведет всех к потоку сценариев Судного дня и решений личных корыстных интересов (кланов, элит и сил глобального доминирования).

Не хочется уходить в азбучные истины.

Но следует обратить внимание на те возможности, которые мы сами формируем в ту повестку мира, чтобы снова стать сверхдержавой.

Россия на данном этапе развития – вместе с той молодежью, которую мы не потеряем и можем научить быть сильной и непобедимой.

Поколение «бета» с 2025 года уже рождается, и хочется хотя бы им дать не какие-то виртуальные ценности и понятия, а конкретные шаги по собственному осмыслению, позиции для осуществления действий в этом мире на базе реальных принципов и взглядов, основанных на патриотизме и любви к нашей великой Родине.

Для этого нужен общественный консенсус и заказ на новую социально-экономическую модель развития.

И наш народ не подведет!

Спасибо, готов ответить на вопросы.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Академик Нигматулин Роберт Искандрович.

НИГМАТУЛИН Р.И.

акад. РАН, д. ф.-м. н., научный руководитель
Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН

Нигматулин Р.И.: Гарегин Ашотович, уважаемые коллеги, я, конечно, тоже присоединяюсь к поздравлениям вновь избранным академикам и членам-корреспондентам.

Два коротких замечания.

Первое.

В 90-е годы я много времени проводил в Америке и Франции.

Моя семья жила в Америке, а потом на некоторое время я перевез дочь в Париж, и она там училась во французской школе.

Что удивительно.

Каждый раз на уроках английского языка учительница ее упрекала: у тебя американский акцент.

И дочь каждый раз воспринимала это болезненно, потому что чувствовала негативное отношение со стороны французских детей.

На уроках русского языка – а там преподавали наш язык – одноклассники вдруг выяснили, что она русская, и сразу отношение к ней изменилось.

Это было для меня удивительным.

Я никогда не чувствовал отрицательного отношения французов или европейцев к американцам.

Это понятно, мы взрослые люди и по большей части общаемся по работе, поддерживая уважительные отношения.

Но вот дети... Они непосредственные, они, вообще говоря, зеркало этих отношений.

И удивительно отношение к американцам со стороны французов и, видимо, европейцев.

Второе.

Работая в Америке, я обнаружил, что 95% американских детей не получают нормального – в нашем представлении – образования.

Их практически ничему не учат.

Только несколько процентов детей занимаются в очень хороших школах, но для этого родители должны постараться.

Я потом обнаружил, что и в Европе тоже существенно упал уровень образования народа, именно народа в целом, а не отдельных университетов.

Конечно, в Англии есть хорошие университеты.

Но мои коллеги, которые там работают, в том числе из России, говорят о сильном падении уровня образования основной массы людей.

Видимо, это следствие того, что, когда страна достигает какого-то относительного материального благополучия, начинают возникать мысли: а зачем мучить детей?

У нас тоже иногда говорят об этом.

Зачем сдавать экзамены, ЕГЭ в школе? Это нервирует детей, портит их нервную систему.

Зачем учить синусы, если человек будет таксистом, менеджером, экономистом или композитором?

Я считаю, что весь народ нужно заставлять учиться, причем учиться всему, что преподают в школе.

Если вы хотите раннюю специализацию – пожалуйста.

Но не за счет сокращения основного образования, которое должно быть основательным.

Дополнительно – да, если человек хочет быть, например, композитором.

Но все должны изучить синусы, хотя в жизни это может и не понадобиться.

Для чего это нужно?

Все должны учить стихи и прозу.

Нас, например, заставляли наизусть учить страницы из произведений Толстого.

Это развивает память, развивает интеллект.

Учить надо всех, чтобы народ в целом был образованный.

Думаю, что недостаток нашего советского образования был в том, что нас плохо учили, в частности, иностранным языкам.

Считаю, что одноязычный человек в своей жизни – это определенная степень убогости, извините меня.

Думаю, что Европа потеряла образование основной массы населения, притом что и здесь, и в Америке есть выдающиеся университеты.

Но они обучают всего несколько процентов людей.

А вообще, хочу отметить – и я это видел в Америке, – как хорошо подготовлены к поступлению в университеты аргентинцы.

Это относится и к общему, и к математическому образованию.

Сейчас на смену европейцам – Абел Гезевич об этом говорил – приходят Индия и Китай.

Бурно развивается экономика Индонезии.

В стране 285 млн человек, а скоро будет 300 млн.

И там образование очень тяжелое.

В Китае тоже оно очень сложное, всех заставляют учиться как следует.

В завершение подчеркну.

Нужно заставлять, чтобы все наши сограждане получали качественное и всестороннее образование.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Роберт Искандрович, в качестве дополнительного аргумента я еще добавлю, что изучение стихов – очень сильное противоядие против деменции. Это известный факт.

Нигматулин Р.И.: Конечно. Всякое образование укрепляет мозг и повышает иммунитет против таких возрастных заболеваний. Кстати, у Рейгана обнаружили деменцию, но есть данные, свидетельствующие о том, что у двуязычных, трехязычных людей деменция проходит не так жестоко.

Тосунян Г.А.: Коллеги, продолжим.

Мецо Юрьевич Игитян, преподаватель МГИМО и президент Фонда поддержки международных экономических и гуманитарных программ «Стратегия» («Strategy Foundation»), пожалуйста.

ИГИТЯН М.Ю.

преподаватель МГИМО МИД России, президент Фонда поддержки международных экономических и гуманитарных программ «Стратегия»

Игитян М.Ю.: За последнее время глобальные проблемы настолько усложнились, что за их решение не берутся даже таксисты.

А у них, как мы знаем, ответы есть на самые сложные вопросы.

Уважаемые коллеги!

В ходе своего короткого выступления постараюсь коснуться изначальной темы нашего заседания – «Многополярный мир: Россия, США, ЕС, Китай, Индия: влияние на него новой администрации США».

Новый мировой контекст.

Мир вступил в этап формирования многополярной системы.

В отличие от однополярного порядка после холодной войны и биполярности времен противостояния США и Советского Союза, сегодня существует несколько крупных полюсов влияния: США, Китай, ЕС, Индия, Россия...

Тосунян Г.А.: Неправильная расстановка мест. Категорически возражаю, исправьте на будущее.

Даже несмотря на то, что по каким-то параметрам Россия, конечно, уступает США, она никак не может стоять в конце. Она должна стоять первой в любом нашем докладе.

Игитян М.Ю.: У нас тема заседания – многополярный мир и влияние на него администрации США.

Все эти страны перечислены, поэтому...

Тосунян Г.А.: Россия и в теме нашего заседания стоит на первом месте.

Игитян М.Ю.: Согласен. Но я как раз и постараюсь затронуть фактор России в этом многополярном мире.

Потенциал перечисленных стран сравним по ряду ключевых показателей: экономика, военная мощь, технологии, демография.

Страны БРИКС уже формируют свыше трети глобального ВВП по паритету покупательной способности, о чем говорил Гарегин Ашотович.

В Китае крупнейшая экономика по этому показателю – около 20%.

Индия – на третьем месте и, как уже было сказано, первая по численности населения.

США сохраняют военное и технологическое преимущество, но их доля в мировой торговле и промышленности постепенно снижается относительно стран Глобального Юга.

Как справедливо заметил Генри Киссинджер, мир становится все более мультиполярным и глобализованным.

И это требует признания новых центров силы и новых форм взаимодействия.

Теперь о понимании вообще логики многополярности.

Многополярность нужно понимать не как хаос, а как систему, в которой решения не принимаются единолично.

Если в 90-е годы США действовали как единственная сверхдержава, в том числе нередко в обход ООН, то сегодня подобная гегемония все чаще вызывает сопротивление.

Сэмюэл Хантингтон еще в 1999 году называл США одинокой сверхдержавой, вокруг которой сжимается кольцо недовольства.

С тех пор это недовольство оформилось в политические стратегии и альтернативные союзы.

Сегодня мир отличается тем, что многие государства Глобального Юга, от Бразилии до ЮАР, все чаще исходят из собственных интересов, а не из блоковой дисциплины.

История подсказывает: устойчивость достигается через баланс.

И в этой связи я хочу вспомнить о том, что в XIX веке была создана система с красивым поэтическим названием – «Концерт держав» (или «Концерт наций»). Она позволила Европе избежать крупных войн почти на столетие.

Эта система – совокупность политических убеждений, которая была утверждена на Венском конгрессе как идеал международных отношений в Европе.

А название взято по аналогии с музыкой: в оркестре – сотрудничество между музыкантами. Не каждый является солистом, но вклад каждого по-своему важен для всех остальных.

И дипломаты создали такую систему для поддержания политической стабильности в Европе.

Весь XIX век, с 1815 года до Первой мировой войны, не было ни одной крупной войны в Европе.

Система была создана таким образом, чтобы подчеркнуть важность гармонии, а не власти.

И до сих пор эта идея является популярной.

Сегодня стоит задача – выстроить глобальный диалог для такого механизма, включая не только западные, но и не западные державы.

Генсек ООН Антониу Гутерриш говорит о кризисе многосторонности и прямо призывает к реформе. Он предлагает расширить Совет безопасности ООН, в том числе за счет Индии, Бразилии и ЮАР.

Теперь о подходах Запада и Востока.

Отношение к многополярности зависит от геополитических интересов.

США, несмотря на участие в G20 и других форматах, сохраняют стратегию конкуренции великих держав и рассматривают Китай и Россию как системных соперников.

И в Вашингтоне многие полагают, что мир движется не к многополярности, а к новой биполярности, в которой будут США и Китай.

ЕС обсуждает концепцию стратегической автономии, о которой упоминал Владимир Георгиевич.

Но при этом ЕС сохраняет зависимость от американской внешнеполитической повестки.

Не западные центры силы – Китай, Индия, Россия, Турция и государства Персидского залива – последовательно продвигают плюралистическую модель мироустройства.

Китай говорит о сообществе единой борьбы человечества.

Индия – о полицентричном порядке, где не будет доминирующего игрока, и интересы таких стран, как Индия, будут реально учтены.

Все это не просто риторика, а концептуальное обоснование новой геополитической этики.

Далее посмотрим на Россию и российскую перспективу.

Для России многополярность – это не тактический маневр, а фундамент внешнеполитического курса с конца 90-х годов.

Эта линия была четко обозначена Евгением Примаковым и с тех пор получила институциональное закрепление.

В Концепции внешней политики РФ 2023 года подчеркивается, что мир переживает революционные изменения, формируется более справедливый и устойчивый многополярный миропорядок, где Россия – один из суверенных центров.

Российский подход сочетает защиту суверенитета, приоритет национальных интересов и стремление к равноправному партнерству с другими центрами силы.

Важнейшими инструментами этого курса выступают такие форматы, как БРИКС, ШОС, ЕАЭС, а также двусторонние и многосторонние проекты в сферах безопасности, энергетики, транспорта, гуманитарного обмена.

И цель России – формирование поля сотрудничества без иерархии.

Приведу примеры независимой политики.

Я взял три страны.

Многополярность уже реализуется в стратегиях конкретных стран.

Индия – это курс на стратегическую автономию.

Индия не поддержала санкции против России, продолжает покупать нефть и вооружения, участвует и в БРИКС, и в такой структуре, как QUAD.

Это стратегический союз по безопасности, куда входят четыре страны Индо-Тихоокеанского региона: США, Индия, Япония и Австралия.

Турция – очень хороший пример гибкой силы.

Покупает у России С-400, одновременно оставаясь членом НАТО и участвуя в проектах с Западом.

Турция строит политику на балансе интересов.

И третий пример – Объединенные Арабские Эмираты.

Это государство действует как постблоковый игрок. По-моему, с января прошлого года участвует в БРИКС, расширяет торговлю с Китаем и Россией, оставаясь при этом партнером США в сфере безопасности.

И общий тренд – это отход от жестких блоков и переход к гибким союзам по интересам.

Скажу о преимуществах и рисках, которые я выделил в многополярности.

Преимущества:

- отражение реального баланса сил,
- демократизация глобального управления,
- конкуренция идей и моделей развития,
- расширение партнерства для Глобального Юга,
- коллективный ответ на транснациональные вызовы, такие как пандемия, искусственный интеллект и так далее.

Риски состоят в следующем:

- сложность координации при большом количестве игроков,
- повышенная вероятность региональных конфликтов,
- вероятность гонки вооружений между центрами силы.

Чтобы избежать дестабилизации, необходимы механизмы глобального согласования – своего рода новый «Концерт наций», но в более инклюзивном, открытом формате.

И короткий вывод.

Россия рассматривает многополярность не как вызов мировой стабильности, а как возможность построения более справедливой, сбалансированной и легитимной системы международных отношений.

Мы живем в многополярном мире, нравится это кому-то или нет, как напоминал Евгений Максимович Примаков.

Россия готова не просто адаптироваться к этой системе, а быть одним из ее архитекторов.

Это путь не конфронтации, а стратегической субъектности и цивилизационного диалога.

Главная задача – выстроить механизмы согласования интересов, где полюсы не борются, а балансируют, поддерживая шатер международной стабильности.

Многополярность предоставляет уникальный шанс перейти от эпохи силы к эпохе координации.

Россия как великая цивилизация и суверенное государство готова внести вклад в это общее дело не только в своих интересах, но и в интересах мира, в котором можно безопасно и достойно жить.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Лев Московкин просит слово, пожалуйста.

МОСКОВКИН Л.И. – акад. ТОСУНЯН Г.А.

Московкин Л.И.: Спасибо огромное всем.

То, что сказал академик Нигматулин, звучит музыкой.
Это несколько сильных, буквально золотых откровений.

Гарегин Ашотович, у меня к Вам вопрос.

В среду – бюджет в первом чтении, и после него вечером в эфире Дробницкий.

Он, как и Вы, физик, поэтому имеет преимущество.
Как будто продолжение дискуссии в Думе.

У меня за более чем 26 лет работы в Думе накопился огромный список людей, которых убрали так или иначе за противодействие разным проявлениям либерал-глобализма.

Я надеюсь, что этот процесс когда-нибудь остановится.

Это называется центрифугальный отбор...

Тосунян Г.А.: Все останавливается, так что не переживайте, я Вам это гарантирую. Когда-нибудь точно остановится.

Московкин Л.И.: Я очень надеюсь, что это явление временное.

Тосунян Г.А.: Спасибо, коллеги.

И последнее. Каждому из докладчиков дается по минуте-две для заключительного слова. Вы инициировали серьезный, глубокий разговор, и надо, конечно, подвести некий итог.

Пожалуйста, Виктор Борисович, Вам слово.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

СУПЯН В.Б.
чл.-корр. РАН

Уважаемые коллеги, я могу только поблагодарить организаторов за прекрасное мероприятие, за очень интересные доклады.

Никаких содержательных комментариев у меня нет.
Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Валерий Николаевич, пожалуйста.

ГАРБУЗОВ В.Н.
чл.-корр. РАН

Гарбузов В.Н.: Я тоже благодарю и организаторов этого мероприятия, и участников, которые, проявляя терпение, внимательно слушали, а кто-то и задавал вопросы.

Я так понимаю, что у вас такие заседания проходят два раза в месяц.

Тосунян Г.А.: Раз в две-три недели. В среднем два раза в месяц.

Гарбузов В.Н.: Понятно.

Действительно, это очень важно – слушать мнение других и как-то корректировать собственные позиции.

Так что спасибо Вам за то, что Вы берете на себя такой труд – собирать людей и обсуждать эти вопросы.

Тосунян Г.А.: 30 с лишним лет, уже привыкли. Пожалуйста, Владимир Георгиевич, Вам слово.

БАРАНОВСКИЙ В.Г.

акад. РАН

Спасибо за организацию этого мероприятия.

Я уже говорил в своем выступлении и хочу повторить.

Я услышал много интересных мыслей и в докладах основных наших спикеров, и в комментариях.

Это очень здорово.

Мне жаль только, что не было возможности организовать дискуссию вокруг этого.

Но повестка у вас очень насыщенная, большое количество людей с интересными идеями.

Желаю всем и дальше удачи в этой деятельности.

Спасибо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ТОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Тосунян Г.А.: Спасибо, Владимир Георгиевич.

У нас как раз все-таки формат дискуссии. У широкого круга участников есть возможность выступать, и это один из гарантов дискуссии.

У нас были, конечно, заседания, которые выходили даже за пределы пяти часов, но это был уже явный перебор.

И я хочу сказать Льву Московкину, что это не только и не столько усталость, сколько зарядка для каждого из нас. Но все равно злоупотреблять человеческим ресурсом, терпением такой аудитории нельзя. Поэтому мы стараемся соблюдать 3-3,5-часовой регламент.

Тема сегодня интересная, сложная, и главное, она многосерийная, поэтому мы к ней будем возвращаться. В некотором смысле поводом для обсуждения сегодняшней темы стали 100 дней пребывания у власти администрации Трампа.

Но, конечно же, вопрос многополярности отнюдь не такой простой, который можно обсудить за один раз.

Как Вы сказали, мир полицентричен. Правильно ли я понял, что термин «полицентричность» используется в качестве синонима многополярности?

Барановский В.Г.: Вообще, я предпочитаю употреблять термин «полицентричность», поскольку такая терминология исходит из того, что есть центр силы, центр притяжения. В основном используется термин «многополярность».

Некоторое время назад по этому поводу была дискуссия, что якобы это не очень правильно, потому что полюсов не может быть много. А центров силы может быть много.

Тосунян Г.А.: Хорошо, коллеги, спасибо.

Давайте мы эту тему продолжим позднее в каких-то других проекциях. У нас есть некоторые темы, которые состоят из нескольких серий обсуждений.

Например, когда мы рассматривали конкуренцию в научной сфере в 2020 или 2021 году, у нас с определенным перерывом, но было три заседания, посвященных этой теме.

Не все заседания потом находят отражение в издаваемых нами сборниках. Есть каталог, через QR-код можно получить электронные версии⁴.

Завершаю нашу встречу словами благодарности в адрес всех терпеливо участвовавших и слушавших. Спасибо всем.

⁴ [Каталог сборников.](#)

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН, НИИ ДДиП
и «Открытых дискуссий» президента АРБ**

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Предновогодние заседания: 2020, 2021 (31.12.2020, 31.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 206 с.
3. Ответственность пациентов и врачей. Уровень здравоохранения в России (03.04.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 124 с.
4. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
5. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
6. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.
7. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.
8. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.

9. Новая экономическая реальность: региональный разрез. Российский рынок драгоценных металлов (21.04.2022, 15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 161 с.
10. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
11. Демография России: тренды последних лет и краткосрочный прогноз (15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 120 с.
12. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
13. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.
14. Одаренные дети. «Гадкие лебеди» братьев Стругацких как антиутопия кризиса образования: межпоколенческий дефолт (17.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 163 с.
15. 2022-й – «особый». 2023-й – риски и ожидания (31.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 134 с.
16. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 128 с.

17. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат. 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
18. Психологическое состояние российского общества (18.03.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 192 с.
19. О мозге (01.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 187 с.
20. Китай: открытая дискуссия. Социальный рейтинг в Китае (26.04.2023, 27.05.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 185 с.
21. Индия: вчера, сегодня, завтра. Взаимодействие России и Индии в условиях глубокой структурной трансформации российской экономики (29.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 152 с.
22. Денежно-кредитная политика и монетизация экономики (13.05.2023, 11.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 238 с.
23. Молодежь и мошенничество (31.05.2023). Теория поколений и модели мира (22.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 158 с.
24. Социальное неравенство (10.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 145 с.

25. Национальная сила: оценка и практическое применение. Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против» (24.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 179 с.
26. Турция: вчера, сегодня, завтра (08.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
27. Научное лидерство и человеческий капитал (22.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 150 с.
28. Цифровые валюты центральных банков (26.08.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 151 с.
29. Общество и государство (09.09.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 163 с.
30. Искусственный интеллект (14.10.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 182 с.
31. «Зеленая» экономика: принципы и проблемы (18.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 164 с.
32. Институт финансового омбудсмена, его роль в развитии общества (25.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 152 с.
33. 2023-й – итоги. 2024-й – перспективы (30.12.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 136 с.

34. В.И. Вернадский и его наследие (20.01.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 175 с.
35. Генномодифицированные продукты: «за» и «против» (03.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
36. Банки Китая: стратегия развития (03.02.24) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 90 с.
37. Проблема общечеловеческих ценностей. Причины ценностных противостояний в современном мире (17.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
38. Искусственный интеллект в банковской сфере (29.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 121 с.
39. Малый и средний бизнес (02.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 172 с.
40. Мозговая активность в пожилом возрасте (паркинсон, альцгеймер, деменция) (06.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
41. БРИКС: платежные системы (20.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 173 с.
42. Цивилизация. Что это? (25.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 208 с.

43. Жилая недвижимость (27.07.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 166 с.
44. Общественный договор (07.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 186 с.
45. Банки и конкуренция: материалы «Открытой дискуссии президента АРБ» (19.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 100 с.
46. Жизнь и смерть. Право на эвтаназию и суицид (21.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 221 с.
47. Наука и власть (05.10.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 206 с.
48. Борьба с кризисом и промышленная политика (19.10.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 178 с.
49. Философия в современном мире (16.11.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 218 с.
50. Конкуренция на финансовом рынке (30.11.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 133 с.
51. Роль институтов в развитии общества (14.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 211 с.
52. Инфляция у каждого своя: материалы «Открытой дискуссии президента АРБ» (17.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 108 с.

53. Завершился 2024 год. Что дальше? (31.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 97 с.
54. Что такое Свобода? Свобода воли, свободы личности (15.02.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 210 с.
55. Цивилизационные основы России (часть 2): Качество жизни. Равноправие женщин и мужчин. Русское крестьянство (01.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 178 с.
56. Коррупция в Китае (22.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 143 с.
57. Религия и общество (05.04.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 164 с.
58. Редактирование генома человека (25.10.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 178 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru>

Многополярный мир: Россия, США, Китай, Индия, ЕС: влияние на него новой администрации США

Материалы заседания
НКС ООН РАН и НИИ ДДиП
31 мая 2025 года

Презентации докладчиков
можно скачать по ссылке:

<https://ranmks.ru/pubs/>

Подписано в печать 10.08.2026
Формат 60х90/16
Цифровая печать
Тираж 500 экз. Заказ № 83

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института – многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.